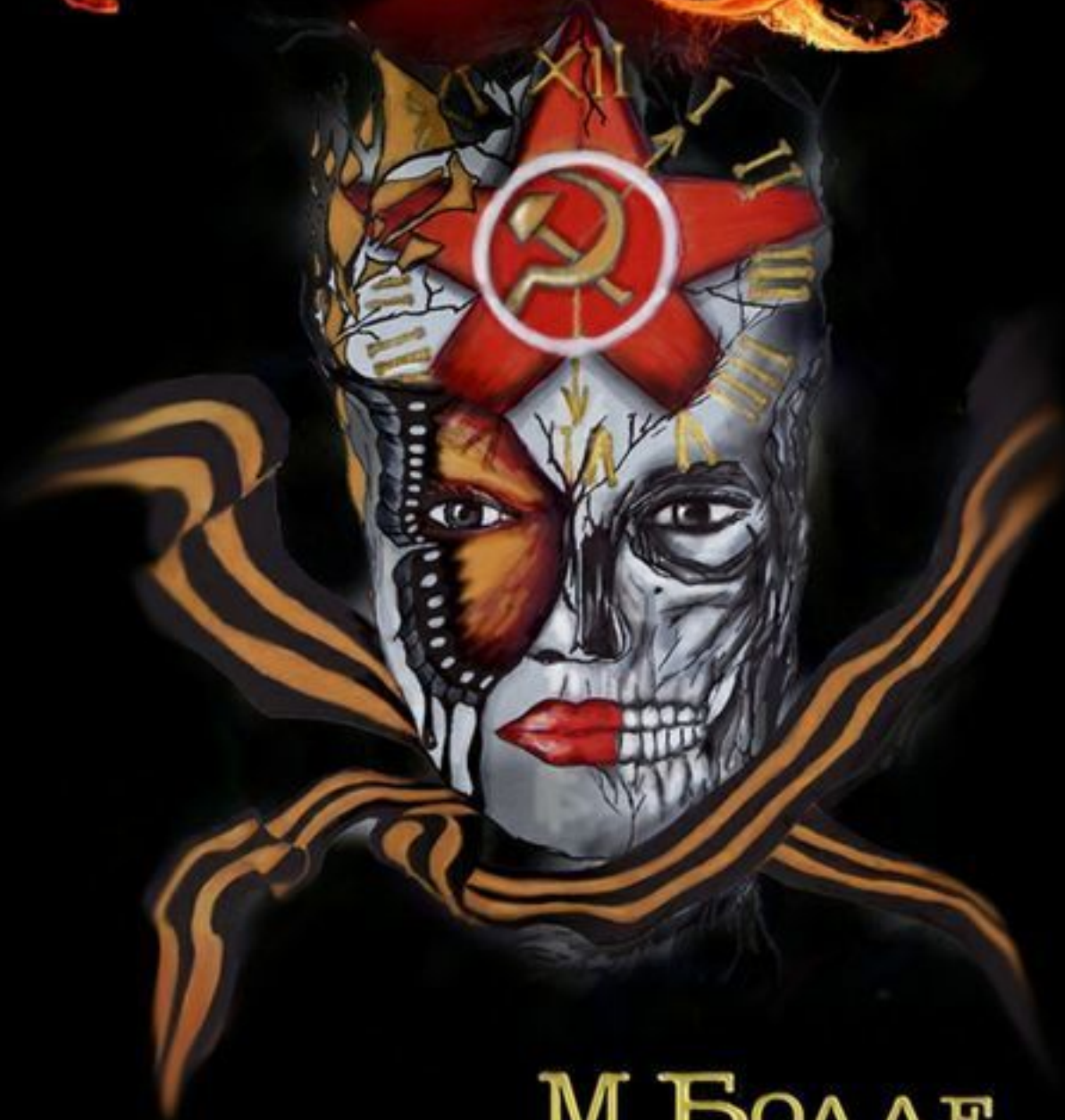

РАМА

М. БОЛЛЕ

Михаил Болле

9 мая

«Издательские решения»

Болле М.

9 мая / М. Болле — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830927-4

Больше полувека прошло после войны, но она не отпускает тех, кто был её участниками. За что они воевали, что отстаивали и для кого? Эти вопросы встают после прочтения повести «9 мая», в которой происходит столкновение разных поколений: бывших воинов и их потомков. Почти все события развиваются в пределах одного дня — 9 мая, когда нечаянно брошенные слова и, казалось бы, несущественные поступки и пустяковые встречи неизбежно определяют судьбы и жизни людей.

ISBN 978-5-44-830927-4

© Болле М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	39
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

9 мая

Михаил Болле

*«Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины,
Над ширью пашен и полей,
И у берез, и тополей,
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И вам ответят их сыны
Хотят ли русские, хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.»*

Е. Евтушенко

© Михаил Болле, 2016

© Екатерина Михайловна Болле, дизайн обложки, 2016

Редактор Тамара Сергеевна Спиридонова

Редактор Геннадий Иванович Спиридонов

ISBN 978-5-4483-0927-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В повести «9МАЯ» все события, места действия и персонажи вымышленные, а любые совпадения с реальностью случайны.

Пролог

- Привет, родной!
- Любимая...
- Говорить можешь?
- Могу-могу-могу! Ты?
- Дурачок мой, я же сама тебе звоню!
- Ну, да, да конечно... Я рад. Как ты?
- Плохо. Без тебя очень плохо...
- И я. Я... Умираю... Соскучился! Вся душа на куски рвется. Когда увидимся?
- На днях. Я сама позвоню.
- Хорошо. Буду ждать. Все время ждуюуу...
- И я уууу! Родной, когда я твой голос по телефону слышу, у меня даже все сжимается

в животе.

- У меня другой эффект, все разжимается ниже и...
- Развратник!
- Что же делать, если я тебя люблю, а значит хочу...
- А я больше всего на свете сейчас хочу быть с тобой вместе, далеко-далеко отсюда!

Только ты и я!

- Разве такое возможно?

– Если очень сильно захотеть – да. Вчера в интернете наткнулась на забавную статью об Антарктиде. Представляешь, там нет полиции, нет пограничников, даже правительства никакого нет, и ни одна страна мира не владеет этим континентом!

– Фантастика! То есть, ты хочешь сказать, что мы рванём на Южный полюс, чтобы стать анархистами?

– Пофигистами! Когда-нибудь мы сбежим туда! Каждый день только вместе, и у нас будет сколько угодно времени, чтобы посвятить его друг другу. Ну как?

- В, принципе, я согласен, только ты же знаешь, что я не переношу холод.

– Хорошо, милый, тогда махнем на остров Рождества в Индийский океан. Там круглый год лето. Будем помогать красным крабам, переходить шоссе во время их миграции, чтобы они под машины не попадали.

- Крабам помогать можно.

- Тогда, жди звонка, а я подумаю о дне репетиционного вылета.

- Хорошо, любовь моя. С тобой... Я могу... Короче, все при встрече скажу.

- Ну, родной, пока?

- Пока...

В этот момент Родион посмотрел на дисплей сотового телефона, на котором ещё светились имя – «Юлия». После дисплей плавно погас, и «Юлия» растворилась в черном квадрате. Родион задумчиво улыбнулся и неожиданно для самого себя вспомнил чье-то высказывание: «Когда мужчине плохо – он ищет женщину. Когда мужчине хорошо – он ищет еще одну».

Часть 1

«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. 1 сентября 1939 войска нацистской Германии внезапно вторглись в Польшу. 3 сентября связанные с Польшей союзными обязательствами в войну против Германии вступили Англия и Франция. К 10 сентября ей объявили войну британские доминионы. Постепенно война вовлекла в свою орбиту 61 государство (включая СССР и США), в которых проживало 80% населения земного шара; она продолжалась 6 лет и унесла около 60 миллионов жизней».

Глава 1

*«Народ не роскошь, а средство защиты и обогащения»
Власть и мушкетеры*

Ранним прохладным утром, случайный луч солнца заглянул в однокомнатную московскую квартиру, находившуюся в многоэтажном доме спального района Ясенево. Здесь он робко коснулся потрескавшегося угла настенных часов с кукушкой, показывавших шесть часов двенадцать минут, на мгновение застыл, словно бы раздумывая, стоит ли обследовать эту территорию, а затем нехотя пополз дальше.

И везде, куда бы этот луч не проник, он наткнулся на старые, совершенно утратившие ценность вещи вроде полированного румынского шкафа семидесятих годов, нелепой люстры «Каскад», состоящей из пластмассовых клинышков, осыпавшихся при малейшем взмахе руки, или потрепанного настенного ковра с незамысловатым изображением оленя, удивленно застывшего на лесной опушке.

В углу комнаты висел небольшой образ Николая Чудотворца в киоте, перед которым горела миниатюрная лампада. Немного пониже иконы канцелярскими кнопками был прикреплен церковный календарь на текущий год и большая цветная фотография Новодевичьего монастыря. Везде пахло нафталином и старыми журналами, зато было весьма опрятно и даже уютно. Старый телевизор, вцепившийся острыми ножками в приземистую квадратную тумбочку, заботливая хозяйская рука аккуратно накрыла кружевной салфеткой, а домашние цветы на подоконнике, не имевшие ни одного желтого листка, регулярно поливались.

Около балконной двери развалилась старая (никак не меньше десяти лет) восточноевропейская овчарка по кличке Энга. Она мирно спала, как, впрочем, и ее хозяин по имени Григорий Петрович Войтовский. Только, разумеется, он спал не на полу, а на железной кровати с проржавевшими пружинами, продавленным матрасом и тусклыми металлическими набалдашниками.

Когда его сон спокойно закончился, как заканчивается сеанс в кинотеатре, Войтовский открыл глаза. Какое-то время он просто лежал, глядя в потолок и слушая пение птиц, доносившееся с улицы через приоткрытую форточку, затянутую светло-зеленой сеткой от комаров. Затем привстал на локоть, повернулся и посмотрел на собаку. Овчарка, будто почувствовав взгляд хозяина, тоже открыла умные глаза и подняла голову.

– Ну что, Энга? Подъём?

Собака, не торопясь, встала, выгнула спину и сладко потянулась. Войтовский последовал ее примеру, то есть сдернул с себя одеяло, уселся на краю кровати и, зевая, широко раскинул худые руки в разные стороны. Ему уже исполнилось восемьдесят три года, но, несмотря на большие седые брови, нависшие на глаза, выглядел он намного моложе. Поджарый, легкий на подъём, любящий добрую шутку Григорий Петрович производил впечатление никогда не унывающего, зато постоянно охочего до жизни человека.

Семейные трусы синего цвета, некогда белая, но пожелтевшая от времени майка, расплывшиеся наколки на плечах, руках и левой стороне груди, на смуглой морщинистой шее шелковая веревочка с серебряным крестиком – таков был непритязательный утренний облик нашего героя.

Войтовский поморщился, потёр ноющие с утра коленные суставы и встал с кровати, дружно скрипнувшей всеми своими пружинами. Его худые и жилистые ноги метко попали в коричневые дерматиновые тапочки. Григорий Петрович стал религиозным сравнительно недавно, поэтому исполнял обряды со всем рвением неопита. Вот и сейчас он повернулся к образу, три раза перекрестился и шепотом прочел короткую утреннюю молитву. Мельком

его взгляд упал на стол, где лежала пришедшая накануне поздравительная телеграмма с незамысловатым текстом: «С праздником! Здоровья. Долголетия. Удачи. Твой Павел». Затем подошел к стене и оторвал листок календаря. На следующем листке красовалась огромная красная цифра 9 МАЯ и неизменное изображение памятника солдату-освободителю в берлинском Трептов-парке.

Бессонница – вечный бич пенсионеров. И хуже всего то, что проснувшись сразу после шести утра, – это дает о себе знать многолетняя привычка вставать и собираться на работу! – никак не можешь решить, чем же убить томительные утренние часы. Именно поэтому пенсионер Григорий Петрович старался бриться как можно дольше и как можно тщательней, аккуратно водя лезвием вокруг давнишнего шрама на подбородке. Сначала он долго и усердно намыливался, а потом старательно соскребал мыльную пену старой опасной бритвой, – такой, которую теперь можно увидеть только в музеях или в старых фильмах. Войтовскому ее подарил один из однополчан, который привез бритву из Германии, где позаимствовал из разбомбленного немецкого дома незабываемой весной сорок пятого года. У самого Войтовского никаких трофеев не сохранилось, но об этом немного позже...

В марте сорок пятого его ранило в очередной раз. Молодой пехотинец Гриша Войтовский, весь перемазанный в тяжелой и мокрой глине, заметно утяжелявшей сапоги и шинель, сидел в окопе, в ожидании очередной немецкой контратаки. В небе стоял тяжелый гул наших бомбардировщиков, на которые где-то вдалеке заливисто твкали немецкие зенитки. Метрах в ста от окопа стоял подбитый немецкий танк, из которого валил густой черный дым. Когда остервеневшие немцы снова пошли вперед, пытаясь выбить красноармейцев с захваченных ранее позиций, Гришу зацепило осколком ручной гранаты. Этот шальной осколок настолько сильно окарябал подбородок, что кровь полилась ручьем на мокрую от дождя шинель. Войтовский машинально отер подбородок тыльной стороной ладони и тупо посмотрел на собственную кровь. Боли в тот момент он почти не чувствовал.

– Что, зацепило? – сочувственно спросил лежавший рядом сержант.

– Ерунда, – отвечал Войтовский, снова берясь за автомат.

В данный момент, в этом наскоро отрытом окопе их оставалось всего двое. Два других товарища из той же роты уже были мертвы, и лежали совсем рядом. Похоронить их просто не было времени – озверевшие от ненависти и отчаяния фашисты упорно шли вперед, не давая оборонявшимся красноармейцам ни малейшей передышки. В одной из немецких атак, сержанту пулей раздробило плечо, и он со стоном выронил автомат.

Ранение оказалось настолько болезненным, что Войтовскому пришлось звать медсестру. К счастью, она оказалась недалеко, где перебежками, а где и ползком перебираясь от одного окопа к другому. Кое-как наложив повязку, чтобы остановить кровотечение, медсестра взяла стонущего сержанта за воротник шинели и с трудом поволокла в тыл. Гриша при всем желании не мог ей помочь, опять зашевелились немцы и двинулись вперед.

Пока он попеременно отстреливался из двух автоматов – своего и сержанта, – в небе над ним неожиданно показался одинокий истребитель люфтваффе «Messerschmitt». Круто спикировав на наши позиции, он обстрелял их из пулемета. Войтовский кубарем скатился, успев укрыться на дне окопа, а вот медсестре, упавшей сверху на сержанта, чтобы закрыть его своим телом, повезло гораздо меньше...

Крупнокалиберные пули перебили ей позвоночник, а одна из них, насквозь пробив хрупкое девичье тело, достала сержанта. Но все это выяснилось уже потом, ночью, когда немцы были отброшены назад, и наступила долгожданная передышка...

Отгнав тяжелые воспоминания, Григорий Петрович открыл глаза и посмотрелся в зеркало. Затем добрил щёки и смыл остатки пены. Тщательно промыл бритву и помазок, положил их на полку в раз и навсегда заведенном порядке – помазок справа, бритву слева. Причесав

свои заметно поредевшие и абсолютно седые волосы, Войтовский насухо вытерся полотенцем и даже освежился самым дешевым, памятным с довоенных времен одеколоном «Шипр».

Вернувшись в комнату, он включил телевизор. Тот натужно загудел и стал нагреваться. Наконец, экран напрягся, вздрогнул и выдал тонкую светлую полосу. Через несколько секунд она растянулась во всю ширь, и появилось мутное черно-белое изображение. Григорий Петрович надел очки и сел в кресло. Накануне девятого мая все каналы, словно бы соревнуясь между собой в каком-то идиотском состязании, показывали или старые, или новые, но обязательно военные фильмы. А потому, какую программу не включи, везде взрывы, стрельба и смерть, взрывы, стрельба и смерть... Можно подумать, что ветераны за всю свою долгую жизнь этого еще так и не насмотрелись!

За окном ясный майский день, когда уже вовсю бушует весна и так сильно хочется жить, а на черно-белом экране взрывы, стрельба и смерть, взрывы, стрельба и смерть...

Глава 2

Тост про женщин: Не так хорошо с Вами, как плохо без Вас.

Створка дубового стеклопакета осталась полностью открытой еще со вчерашнего вечера, поэтому сейчас в нее задувал утренний ветерок, слегка шевеливший легкие кофейные шторы, сквозь которые проглядывалась Фрунзенская набережная, речной трамвайчик, неторопливо идущий по Москве-реке и Нескучный сад. Спальня была весьма просторной, а претенциозная обстановка как нельзя более красноречиво демонстрировала богатство и азиатский вкус хозяина. Приземистая мебель была выполнена из черного эбенового дерева и, тем самым, удачно сочеталась с эксклюзивными африканскими масками и статуэтками, которые обладатель квартиры явно коллекционировал, а потому размещал всюду, где было незанятое пространство.

В данный момент свободного места практически не осталось, потому что в комнате царил страшный беспорядок, когда пустые бутылки из-под немецкого пива «Warschteinер» валялись вперемешку с женским бельем, а панцирь от недоеденного краба краснел на белой мужской сорочке, небрежно раскинувшейся прямо на кресле.

На широкой кровати животами вниз лежали два обнаженных виновника всего этого безобразия – Дрюля и Лада. Они были ровесниками – обоим едва исполнилось по девятнадцать лет, – и, если можно так выразиться, одномышленниками, поскольку оба руководствовались по жизни одной-единственной мыслью: «Зажигать надо отрывно, безнапряжно и за чужой счет».

Дрюля спал, бесперемонно развалившись на кровати так, словно бы ему постоянно не хватало места. На его худом веснушчатом плече красовалась татуировка с большим японским иероглифом, а длинные волосы растрепались до такой степени, что полностью закрывали лицо. Впрочем, по большому счету, смотреть там было особенно не на что – обычная тщеславно-нагловатая физиономия совсем еще зеленого юнца, едва распрощавшегося с подростковыми прыщами. Характер был подстать физиономии. Проще говоря, Дрюля представлял собой невыносимо пошлого и самодовольного болтуна, считающего себя выше и умнее всех окружающих. О таких обычно говорят: «Не успело молоко на губах обсохнуть, как он уже перешел на пиво».

При этом он пользовался определенным успехом у женского пола, точнее сказать у тех, весьма недалеких девиц, которым нравились в нем целых три обстоятельства. Во-первых, наличие обеспеченных родителей, в данный момент отдохавших на Мальдивских островах, во-вторых, ум (за который они принимали способность бесконечно разглагольствовать по любому поводу), в-третьих, крутизна (иначе говоря, самая похабная наглость, за которую даже его приятелям периодически хотелось дать ему в морду).

Если Дрюля спал как сурок, распространяя вокруг себя тошнотворный запах перегара, то его нынешняя подруга Лада только что проснулась. Поначалу она лежала не шевелясь, вытянув свои стройные и смуглые ноги так, что изящные ступни свешивались с края постели. Но потом, всё-таки, не выдержала, застонала и попыталась повернуться на бок, демонстрируя на периметре плоского живота разнообразные тату в стиле «Вестерн». Через минуту, качаясь и зажимая рот руками, она уже бежала в туалетную комнату. Добравшись до воделенного унитаза, Лада обессилено опустилась перед ним на колени, словно грешница перед святым распятием, бережно обняла обеими руками его прохладные фаянсовые бока и склонила над ним свою кудрявую головку.

Через секунду она уже корчилась и стонала, изнемогая от того самого состояния, хуже которого только смерть. Когда измученный организм, извергнув из себя смесь алкогольной

отравы, окончательно обессилел, Лада так и осталась сидеть на полу, полузакрыв глаза и положив голову на край унитаза. Щека натянулась в сторону, словно прилипла к холодной керамической поверхности, из уголка губ потекла вязкая слюна, коснулась маленькой, ещё неутомленной жизнью груди, напоминавшей половинки спелого яблока, и стекла на пол.

Заставил Ладу встрепенуться сначала звук, а затем и вид льющейся сверху мочи. Это Дрюля, как говорится, «не эстетствуя лукаво», самым бесцеремонным образом справлял свои естественные утренние потребности.

– Сдурел, что ли, через меня ссать? Хам трамвайный... – заплетающимся языком выдавила девушка, хотя на возмущение никаких сил не было.

– На себя-то посмотри, фуйнюшка, – в тон ей отвечал Дрюля, зевая и почесываясь. Затем он передернул плечами, потряс своим достоинством и добавил, – да и потом, настоящему мужчине по барабану куда мочиться – в унитаз или в женские уши.

Когда он пошел на кухню, Лада пробубнив: «Урод в жопе ноги», снова прикрыла глаза. В висках стучало, голова казалась распухшей, во рту стоял горький привкус, а в душе нарастало желание немедленно выпить яду, чтобы избавиться от дальнейших мучений предстоящего дня.

Беспорядок на просторной кухне был намного круче беспорядка в спальне, поскольку основная часть вчерашней вечеринки происходила именно здесь. Стол был завален остатками еды, привезенной на заказ из японского ресторана, а на полу, словно позируя художнику-абстракционисту, валялась опрокинутая пепельница, рассыпавшая всё свое содержимое. Раковина ломилась от грязной посуды, а в воздухе висела тошнотворная вонь от прокишей еды и застарелого табачного дыма.

Мучаясь от головной боли, Дрюля открыл холодильник и, мысленно прогнав роящихся перед глазами мошек, тупо уставился на его содержимое. Наконец, он нашел то, что ему было необходимо в первую очередь – миску с квашеной капустой. Не закрывая холодильника, Дрюля подошел к окну и поднёс край миски к губам, придерживая капусту другой рукой. Животворящий холодный желтый сок полился в его пересохшую пасть, обильно орошая при этом впалую грудь.

Когда из туалета снова донеслись не слишком-то сексуальные звуки, издаваемые блюющей Ладой, Дрюля поставил миску на стол, вытер губы и отправился в спальню. При этом он миновал туалетную комнату, даже не подумав заглянуть внутрь и поинтересоваться самочувствием своей подруги. Да и чего было интересоваться, когда всё и так ясно? Не впервой ведь...

Оказавшись возле постели, Дрюля хотел было рухнуть на неё ничком, но в последний момент передумал. Вместо этого он поплелся в гостиную, где стояла элитная музыкальная аппаратура. Нажав кнопку пальцем, увенчанным тонким платиновым перстнем, Дрюля плюхнулся в кресло и блаженно вытянул ноги.

К концу первой композиции он уже дремал, свесив голову на бок. Но едва началась вторая, едва застучали барабаны, и голос солиста раненым динозавром зарычал из мощных колонок, как поверх всей этой какофонии прозвучала пронзительная трель телефона. Он стоял совсем рядом, на журнальном столике, а потому Дрюля не мог его не услышать. Другое дело, что ему совсем не хотелось реагировать. Ну какая сволочь могла звонить в такую рань, да ещё когда у людей самое непереносимое состояние на свете?

Выждав пару минут в тщетной надежде, что звонки прекратятся сами собой, Дрюля утомленно сорвал трубку с рычагов и рявкнул в микрофон:

– Ну?

– Сейчас пёр-ну! – порадовал его знакомый голос.

– А, это ты Юлиан... Привет...

– Привет-привет. Чего так долго к телефону не подходишь, Дрочюля?

– Погоди, я звук убавлю... Хрен ли тебе не спится? Нечистая совесть замучила?

– Ха! На том месте, где совесть была, знаешь, что теперь выросло?

– Догадываюсь, – вяло отозвался Дрюля, мечтавший поскорее закончить этот разговор. – Короче!

– Короче, я разбежался с Машкой окончательно. Полчаса назад мы с ней полаялись раз и навсегда!

– Никогда не говори никогда! Помириться ещё... Что я, вас обоих не знаю, что ли?

– Да пошла она к эбэни маме со своими претензиями! – неожиданно взвился невидимый собеседник. – Видеть её больше не хочу! Выдала мне, понимаешь, что есть люди, как грязный наркотик – знаешь, что нельзя, а тянет... А есть люди, как торт праздничный – сладко, вкусно, презентабельно, но уже тошнит! Сука! Тошнит её от меня, видите ли! У самой-то всего одна хорошая черта и есть...

– Какая это?

– Та, что делит жопу пополам!

– Да уж... А ты сейчас где отрываешься?

– Я завис у Папеля после вчерашнего фуршета. Его предки на фазенду сдёрнули, и мы решили оттянуться по полной программе. Папель хорошо проставился.

– По поводу?

– Да почти без повода! Точнее сказать, из больницы вышел, бабла нарыл, вот мы в кабак и ломанулись. А там такое случилось – ну, бля, ва-а-ще!

– И чего же там было? – вяло поинтересовался Дрюля.

– А вот послушай... В этом кабаке посреди зала стоит огромный аквариум. Там плавают всякие экзотические рыбки-мыбки, черепашки и еще всякая хрень, но приколы не в этом. Администрация кабака за отдельную плату разрешает погружаться в этот аквариум с маской и трубкой. Прикинь! Так вот, один богатый Буратино нажрался, полез в этот аквариум прямо в одежде и почти сразу начал тонуть. Все засуетились, паника. Халдеи стали вылавливать его какими-то крюками, однако жирдяй упорно шёл ко дну! И тогда его охранник достал ствол и принялся палить по стеклам.

– Американских боевиков насмотрелся? – насмешливо предположил Дрюля.

– А что этому дятлу еще смотреть, кроме боевиков и порнухи? – в тон ему отвечала собеседник. – Этот дурень, видимо, понадеялся, что стекла разлетятся вдребезги, вода уйдёт в зал, а его шефа преспокойно достанут со дна. Но фигушки – стекла оказались бронебойными. Короче, представь себе эту охренительную сцену – охранник яростно палит по аквариуму, а пули рикошетят и разлетаются по всему залу. Все вокруг визжат! Папель даже на пол упал и пополз к выходу. К счастью, пули оказались резиновыми и охранники кабака набросились на этого ковбоя сзади и успешно обезвредили. Но, что самое удивительное, в итоге никто не пострадал...

– Прикольно...

– Ну, да. А кабак в наваре, ведь благодаря этому скандалу у него теперь резко увеличится посещаемость! Теперь туда будут приходить просто для того, чтобы полюбоваться на аквариум со следами от пуль! Я думаю, хозяин даже не станет менять стекла...

– Логично.

– Стой! – внезапно спохватился Юлиан. – О чем я тебе еще хотел сказать... А, блин, вспомнил! Ну и скандал же мне эта сука Машка закатила! Вот что умеет, то умеет!

– Ну и успокойся, хрен ли так переживать? Подумаешь, маменькина дочка, да еще с такими изощренными понтами, словно бы х... только вчера увидела. Ну ты все сказал или нет?

– Щас вспомню... – даже по телефону было ясно, как Юлиан напряг свои умственные способности. – А, вот еще что... Приезжай сюда, Папель будет рад тебя видеть.

– Так я сейчас не один, – замялся Дрюля и нехотя пояснил: – В моём сортире Ладка Ихтиандра зовёт.

- Чего делает? – не понял Юлиан.
- Да блюёт она с утра пораньше! Вот чего!
- Ну и что? Когда окончательно проблюется, сунь в душ, отмой хорошенько и вези к нам свою чикку. В конце концов, сегодня же праздник! Сходим в парк Горького! Холодного пивка глотнем, в обнимку с каким-нибудь ветераном.
- Думаешь? – засомневался Дрюля.
- Уверен на все сто! А думать просто сил нет, да и не мое это занятие. Пусть лошади думают, у них головы большие.
- Ну хорошо, сейчас я с ней побазарю, и мы определимся. Я тебе тогда сам наберу.
- Только помни, чувак: последнее слово всегда должно оставаться за мужчиной, а последний глоток пива он должен уступить женщине.
- Считай, что уговорил, – окончательно согласился Дрюля и, положив трубку, нехотя поплелся в ванную – отмывать и готовить к празднику свою непутевую подругу.

Глава 3

Бог дал мужчине две головы, но на кровь поспешил, поэтому думать ими можно только по очереди.

На огромном плазменном экране домашнего кинотеатра шел фильм про войну. Впрочем, его никто не смотрел, поскольку Юлиан был в душе, а сам хозяин дома по кличке Папель безмятежно спал, лежа одетым на длинном кожаном диване. Между плазмой и диваном находился бар в виде большого глобуса, верхняя полусфера которого была откинута в сторону. Оттуда торчали горлышки початых бутылок, а весь край нижней полусферы был заставлен пустыми рюмками и бокалами.

Папель представлял собой коротко-стриженного юношу столь маленького роста, что его нередко принимали за двенадцатилетнего пацана – и, тем самым, смертельно обижали. Разумеется, что он страшно комплексовал по поводу своего роста и даже снисходительные утешения более рослых ровесников типа «Наполеон тоже был маленьким», его ничуть не успокаивали.

Но хуже всего было тогда, когда он выпивал с приятелями. Именно в пьяном виде Папель становился предельно обидчивым, а поэтому был готов броситься на любого великана. Броситься-то он, конечно, был готов, да что толку? Однажды, когда Папель, размахивая кулаками, устремился в атаку на какого-то верзилу, сравнившего его рост с размерами сидящей овчарки, то его обидчик поступил очень просто. Он уперся тремя пальцами своей длинной руки в лоб Папеля и, таким образом, удерживал его на безопасном для себя расстоянии. И сколько бы не бесился несчастный Папель, сколько бы не размахивал кулаками и не проклинал наглого верзилу, это только добавляло всеобщего веселья.

Даже Юлиан, который неоднократно пользовался его гостеприимством, иногда не мог удержаться от соблазна поиздеваться над маленьким приятелем. Согласно его любимой поговорке: «Маленькие женщины созданы для любви, а маленькие мужчины для смеха». Когда Папель слышал эту остроту, то багровел до ушей, ужасно матюгался и грозился «посадить на перо того, кто ляпнет нечто подобное».

«В таком случае, научись метать это самое перо, – ехидно советовал ему Юлиан, – иначе ты никого им не сможешь даже поцарапать!»

Что касается внешности, то Папель имел тонкий, можно даже сказать, острый нос, «поджарые» черты лица, твердые, но невыразительные губы и, что самое главное, удивительно подлые, точнее, даже подленькие глазки... Если слегка перефразировать одного классика, то получится самая удачная характеристика: «Такие глаза не могут не лгать!». Помимо этого, малосимпатичный Папель зачем-то старался сделать себя еще ужаснее, для чего брил затылок, оставляя при этом большой, свисавший на глаза чуб, и носил в ушах массивные золотые серьги. Более того, он всерьез собирался проколоть бровь, чтобы вставить туда черную жемчужину.

Недавно этот юный прохиндей решил попробовать себя в уличном хулиганстве, которым занимались «шарки». Эти сексуально-озабоченные «акулы» подкрадывались к открыто одетым девушкам или молодым женщинам, после чего стремительно производили одно из следующих действий – сдергивали юбку или топик, или, напротив, задирали подол и успевали сдернуть трусики. Поскольку они действовали парами, второй из «шарков» снимал все это безобразия на мобильник, после чего результаты охоты вывешивались в Интернете.

К несчастью для новоявленного «шарка», он ухитрился сдернуть юбку с дочери весьма крутого бизнесмена, и при этом еще попал «мордой в кадр»! Когда разъяренный отец лично увидел в Интернете нанесенное его дочери оскорбление, то немедленно нанял частных сыщиков. Тем не составило особого труда найти злополучного Папеля, после чего он неделю «отды-

хал под капельницей», а, выйдя из больницы, закатил по этому случаю банкет, на который и пригласил дружков, из которых до утра остался только Юлиан.

Пока он спал, в гостиной появился его гость и собутыльник, обмотанный по пояс полотенцем. Поскользнувшись на одном из глянцевых журналов разбросанных по всему полу, Юлиан первым делом поднял с пола пульт дистанционного управления и достал из бара-глобуса бутылку пива. Затем встал посреди комнаты, отхлебнул из горлышка и прибавил звук. Из мощных колонок вырвалась оглушительная канонада. Папель, как подброшенный, вскочил с дивана и заорал:

– Ты что? Сдурел?

– Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой... – пропел Юлиан, победно потрясая бутылкой пива.

– Дай поспать, идиот! – простонал Папель, выхватывая у него пульт и выключая телевизор. – И зачем я тебя только оставил? В другой раз домой поедешь...

– Хватит спать, давай лучше выпьем! – предложил Юлиан и жадно допил до конца свое пиво. – Кстати, известна ли тебе народная мудрость – когда испытываешь нехватку денег, то водку надо обязательно брать хорошую, зато колбасу – дешёвую?

– Нет, неизвестна. И почему так?

– А потому, что от колбасы похмелья не бывает!

– Да пошел ты! – брезгливо поморщился Папель и направился в спальню, предусмотрительно прихватив с собой пульт.

После его ухода Юлиан откровенно заскучал. Он выпил еще пива, после чего принялся мотаться по комнате, периодически хватаясь за голову и бормоча:

– Машка, сука, ну как ты могла так поступить? И главное с кем? Со мной! Да пошла ты, знаешь куда?!

Наконец, он ничком бросился на диван, где еще совсем недавно спал Папель.

– Да пошли вы все... – прохрипел Юлиан и повернулся к стенке.

Глава 4

«Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим»
К. К. Рокоссовский

Утомившись смотреть телевизор, Григорий Петрович спустился вниз, чтобы взять из почтового ящика свежую газету. Вернувшись обратно, он вскипятил чайник, положил в чашку щепотку черного чая, налил туда кипятка и накрыл чашку блюдцем. Затем не спеша, поудобнее, уселся за кухонным столом и принялся изучать газету. Однако история, которую он там прочитал, отнюдь не добавила ему праздничного настроения, скорее даже наоборот...

Это была история о Вечном огне, ставшим орудием жестокой казни. Все произошло этой зимой, сразу после Нового года, в центре города Кольчугино. Ночью случайный прохожий шел мимо Вечного огня и увидел мужчину, лежавшего лицом прямо на пламени в самом центре гранитной звезды городского мемориала. У погибшего полностью обуглилась голова, он был по пояс голый, в джинсах и носках. Как выяснило следствие, его убийцы сидели у Вечного огня и пили пиво, громко матерившись. Потерпевший, двадцати пяти лет от роду, подошел к ним, сделал замечание, произошла ссора. Один ударил его ногой по лицу, тот упал с плиты на снег. Лежачего стали избивать ногами. Потом потерявшего сознание раздели, разули и бросили лицом на огонь. В этом месте статьи Войтовский перекрестился три раза, прошептал что-то невнятное и только после продолжил чтение. А дальше рассказывалось о том, что мемориал памяти павшим и выжившим в Великой Отечественной войне стал отхожим местом, и ни для кого в городе Кольчугино, в том числе и для правоохранительных органов, это не было секретом. Его давно выбрали местом своих многолюдных сборищ городская молодежь: пили пиво и что покрепче, курили, сплевывая в огонь, и даже жарили сосиски, как на костре, а обратную сторону барельефа героев расписали похабщиной. А в прошлом году, спустя несколько дней после праздника Дня Победы, кто-то из завсегдагаев поджог венки, возложенные в память о погибших. Копоть от пожара так въелась в камень стелы, что ее едва отскребли. А пьяные тусовки продолжились. И вот итог – страшная трагедия.

Тяжело вздохнув и мысленно опечалившись судьбой не только неведомого ему погибшего, но и той молодежи, которая живет будто проклятая, Григорий Петрович Войтовский встал из-за кухонного стола и пошел в комнату. Подойдя к иконе, он тихо произнес: «Прости, Господи, их души грешные и помоги им спастись от нечистого». Затем он, подумав, что столичные фронтовики находятся в более выгодном положении, чем провинциальные – пенсия больше, да и уважение не на последнем месте, начал готовиться к тому, чтобы выйти на торжественную прогулку. Для этого он надел парадный костюм, предназначавшийся исключительно для одного дня в году, а когда-нибудь потом – и для самого печально-торжественного случая в жизни любого человека. Кстати, тогда под этот костюм придется надевать не черные, начищенные до блеска ботинки, а скромные белые тапочки.

На пиджаке сверкали заранее отполированные медали и ордена. Наград у Григория Петровича было немного, но он ими очень гордился, потому что все это боевые награды, полученные во время войны за настоящие воинские подвиги. Всевозможные юбилейные медали, которые в «застойные годы» Советская власть штамповала по любому поводу, Войтовский не носил из принципа, презрительно называя «значками» или «побрякушками».

Надев кепку перед зеркалом, Григорий Петрович погладил радостно скулившую Энгу и взял со стула металлический ошейник, с пристегнутым к нему поводком и пластмассовой ручкой-фиксатором. Когда собака была готова к прогулке, Войтовский выпустил ее на лестничную площадку и запер за собой дверь.

Едва раскрылись двери лифта, в котором на полу катались пустые пивные банки и бутылки, как овчарка забежала туда первой. Энга была так обрадована предстоящей прогулкой, что дважды обошла вокруг хозяина, незаметно опутав его ногу длинным поводком. При этом пластмассовый фиксатор остался за дверьми лифта. Задумавшийся Войтовский не заметил этого и, подгоняемый нетерпеливым скулежом, нажал кнопку первого этажа.

Какое-то мгновение лифт стоял на месте, а затем тяжело пошел вниз. Войтовский посмотрел в глаза собаке, которая ответила ему преданным взглядом. Через несколько секунд поводок затянулся на ногу у старика тугой петлей и, увлекаемый лифтом, потянул его к потолку вместе с собакой. Испуганный пенсионер и охнуть не успел, как перевернулся вверх ногами и повис в воздухе. Энга жалобно заскулила, поднялась на задние лапы и попыталась вырваться. Овчарка судорожно скребла лапами по двери, а ее хозяин пробовал сделать нечто вроде «сальто-мортале», чтобы освободить свою ногу. Но старческих сил явно не хватило. Неожиданно лифт приостановился, и в ту же минуту жгучая боль пронзила Войтовского от пятки до поясницы. Через секунду поводок лопнул у самого основания пластмассовой ручки, и Григорий Петрович вместе со своей собакой рухнули на пол.

Когда лифт остановился на первом этаже, и его дверцы открылись, Войтовский с разбитым носом и окровавленной губой сидел на полу и бережно прижимал к себе Энгу. Шея собаки была окровавлена, и она хрипло дышала. На глазах у Войтовского блестели слёзы. Он гладил собаку по голове и непрерывно приговаривал:

– Энга, хорошая ты моя. Как же ты меня напугала!

В тот момент к лифту лениво-уставшей походкой подошла толстая тетка без возраста с распаренной рожей, вместо лица. На её лопухой голове, похожей на кастрюлю с большими ручками, в разные стороны торчали кудрявые волосы, сожженные перекисью водорода. В крупных руках мотались авоськи с продуктами и допотопный ридикюль. Низко свисали большие рыхлые груди, помещенные в бюстгальтер-парашют. Ещё ниже болтался мамон в сплошных складках. Отекшие ноги вообще напоминали промышленные канализационные трубы. Всё это богатство пряталось за полупрозрачным сарафаном голубенькой расцветки. Тётка пренебрежительно осмотрела Войтовского и дергающимися губами заговорила, проглатывая промежуток между словами:

– Надо же, с таконого спозаранку уже умудрился зеньки свои позалить. Морда бесстыжая, а ещё вона медалей понацеплял. Небося и на войне-то не был, пьянь подзаборная! И не стыдно, главное. А ну-ка, едрит твою налево, выметайся из лифта вместе со своим кобелём ко всем чертям!

Григорий Петрович, словно не видя и не слыша возмущений оголтелой тётки, медленно встал и нажал кнопку своего этажа. Двери закрылись, лифт тронулся вверх, а с площадки первого этажа, где пахло хлоркой и прокисшей тряпкой, доносилось:

– Паразит, скотина безрогая, штоб тебе поносом всю жизнь срать, змеюка ползучая, гад недодавленный...

* * *

Посреди комнаты на полу лежала Энга с печальными глазами. Ее шея была забинтована, но сквозь повязку уже просочилась кровь. Что касается Григория Петровича, то он стоял у окна в трусах и рубашке. В руках Войтовский держал брюки, с которых смахивал щёткой грязь. Праздничный пиджак с медалями висел на вешалке, прикрепленной к ручке балконной двери. В квартире царила тишина.

Закончив свое занятие и отложив щетку, Войтовский с грустной задумчивостью посмотрел на стену, где в рамках висели фотографии разных лет – фронтовые, послевоенные, современные. На некоторых фотографиях был запечатлен один и тот же молодой человек, внешне

схожий с Григорием Петровичем. На последнем по времени цветном снимке он сфотографировался в корзине огромного воздушного шара с логотипом телеканала «НТБ-минус».

Неожиданно, резко и оглушительно, грянул звонок в коридоре. Григорий Петрович повесил брюки на спинку стула, Энга поднялась с пола, и они вместе направились в прихожую. Уже подойдя к двери, Войтовский вовремя опомнился и остановился. Глянув на свои голые ноги, он крикнул: «Подождите, сейчас открою!» – после чего поспешно вернулся в комнату, натянул брюки, заправил в них рубашку и лишь после этого вернулся в прихожую.

– Кто там? – осторожно спросил Войтовский, заглядывая в дверной глазок.

– Здравствуйте! – приветливо отозвалась стоявшая на лестничной площадке женщина лет пятидесяти. – Вы, наверное, Григорий Петрович Войтовский?

– Совершенно верно. А что вам угодно?

– Откройте, пожалуйста. Я из военкомата, принесла вам праздничный набор.

Григорий Петрович немного помялся, – уж очень много было разговоров о мошенниках и аферистах, проникавших в квартиры одиноких пенсионеров под предлогом оказания им какой-либо помощи и беззастенчиво их грабивших. Он даже вопросительно посмотрел на Энгу, словно бы советуясь с ней, стоит ли открывать дверь. Собака вильнула хвостом, и Григорий Петрович, восприняв это как знак согласия, щелкнул незатейливым замком.

– Ой, какая собачка! – переступая порог, лицемерно пропела женщина, державшая в руках большую хозяйственную сумку. – А она не кусается?

– Ей сейчас не до этого, – буркнул Войтовский.

– Ах, да, вижу... А что это у нее с шеей?

– Несчастный случай. Да вы проходите в комнату, что вы остановились...

– Спасибо.

Они все вместе прошли в комнату, и женщина бесцеремонно поставила свою сумку прямо на скатерть. Затем деловито достала из нее две банки немецкой тушенки и одну банку латвийских шпрот, пачку итальянских макарон, батон отечественной сырокопченой колбасы, бутылку горькой настойки «День победы» с «георгиевской» ленточкой на этикетке и пакет недорогих украинских конфет.

– Как говорится, получите – и распишитесь, – улыбнулась она, закрывая сумку. – Никто не забыт, ничто не забыто. Поздравляем вас с юбилеем! 60 лет прошло, как мы благодаря таким, как вы, живём под мирным небом!

– Спасибо, – ответно улыбнулся Войтовский и взял в руки бутылку. – Что-то раньше я не видел водки с таким названием...

– Какие ваши годы? Я проб... в смысле носила в заказах и «Ветеран», и «Виват победа», и даже «Бронзовый солдат»!

Ему было приятно видеть в своем скромном жилище пусть и немолодую, не совсем искреннюю, но вполне миловидную женщину. Последней такой женщиной была его участковый врач.

– Да вы присаживайтесь, – предложил он. – Может быть, чаю хотите?

Женщина пожала плечами, но ответить не успела, в дверь снова позвонили. Звонок был продолжительным и весьма настойчивым, словно бы звонивший нисколько не сомневался в своем праве тревожить людей в праздничный день.

Энга первой бросилась обратно в коридор.

– Извините, – сказал Войтовский. – Я сейчас посмотрю, кто там пришел. То целыми месяцами никому не нужен, а то вдруг один за другим...

– Я понимаю, – кивнула женщина и тут же добавила: – Так ведь праздник сегодня.

Она тяжело опустилась на стул и тихо выдохнула, а Григорий Петрович пошел открывать. Через минуту он уже вернулся, но не один, а в сопровождении участкового. Это был коренастый, черноволосый человек неопределенного возраста в форме с погонами капитана мили-

ции. Вид у него был такой озабоченный, словно бы милиционер явился в квартиру Григория Петровича забрать забытую вещь, представлявшую для него невероятную ценность. Его глаза, вооруженные очками с толстыми линзами, суетливо рыскали по всем углам квартиры. В руках он держал скрученный в трубку журнал, которым то и дело похлопывал по собственной ляжке.

– Здравствуйте, – первым обратился он к женщине.

– Доброе утро, – ответила она, приподнимаясь со стула.

– Вы кто будете?

– Я из военкомата. Принесла продуктовый заказ.

– А ваши документы можно посмотреть?

– А в чём собственно дело-то? – всполошилась женщина, никак не ожидавшая такого вопроса.

– Дело в том, что эта квартира находится у нас под наблюдением. Поэтому мы проверяем всех посторонних, кто сюда заходит. Понятно?

– Ничего не понятно. А под каким это наблюдением?

– Это вас уже не касается, – нетерпеливо заметил милиционер, в очередной раз охлопав журналом свои бедра. – Документы предъявите, пожалуйста.

Женщина порылась в своей сумке, достала оттуда паспорт и передала его участковому. Он бесцеремонно присел на оставленный стул, и принялся переписывать ее паспортные данные в блокнот, который извлек из кармана кителя.

– Григорий Петрович, а что случилось? – не могла успокоиться работница военкомата.

– Да, сын мой в свое время начудил, – нехотя пояснил Войтовский, – а они его здесь все поймать надеются. Сколько раз я им уже говорил, что Пашка лет десять, как у меня не был, а они всё ходят да ходят.

– В каком смысле начудил?

* * *

...То декабрьское утро в Мордовии выдалось на редкость холодным и вьюжным. Метель была настолько сильной, что сносила человека с ног и катила по земле, словно плюшевую игрушку. Ледяной ветер насквозь пронизывал стоящий на перегоне поезд, свистя и завывая во всех его многочисленных щелях. Вихрь вздымал и вращал снежинки с такой неистовой силой, что из маленьких невесомых кристаллов они превращались в острые, болезненно ранящие осколки. По узкому, промерзшему насквозь коридору, прохаживался конвоир в полушубке, отчетливо стуча каблуками по железному полу. В специальных зарешеченных отсеках гурьбой томились заключенные, ожидавшие своей участи. Зимняя дорога была тяжела, все они мечтали только об одном – поскорее бы оказаться на зоне. Даже лагерный барак теперь казался им «райским шалашом» по сравнению с осточертевшим, промерзшим до последнего винтика железнодорожным вагоном.

Когда конвоир проходил мимо одного из отсеков, его окликнули. Худой, стриженный наголо, с бледным лицом и большими синими кругами под глазами, заключенный выглядел намного старше своих лет.

– Чего тебе? – осведомился конвоир, выпуская пар изо рта.

Зэк прислонился к холодной решетке и попросил сухим голосом:

– Слышь, командир, выведи на дальняк. Никаких сил нет терпеть.

– Во время остановки – не положено.

– Ну выведи, Христом Богом тебя прошу!

– Сказано – нельзя!

В этот момент в вагон зашли три человека в форме и с автоматами, которых сопровождала служебная овчарка.

– Готовимся на выход! – последовал громкий приказ, и все зэки обрадовано зашевелились.

Спустя десять минут они уже по очереди выпрыгивали из вагона, прижимая к груди мешки с личными вещами. Затем, повинуясь четкой команде, бегом, на полусогнутых, перемещались в указанное им место, вокруг которого уже стояла вооруженная автоматами охрана. Собаки яростно лаяли, выплевывая из своей разгоряченной пасти густые клубы морозного воздуха. Все конвойные были в тулупах и валенках, в отличие от небрежно одетых зэков, мороз им был нипочем.

Зэки садились на корточки и сбивались в кучу, словно пингвины в Антарктике, пытаясь хоть немного согреться. Каждый из них старался оказаться в середине, из-за чего возникала ожесточенная толчея. И только тот худой зэк, что просился на «оправку», сразу присел с края.

Когда за последним из осужденных с визгом закрылась тяжелая дверь вагона, вдалеке появился «автозак». Он подъехал вплотную к заключенным и остановился. Сержант открыл дверь, раздался приказ начальника конвоя: «Быстро пошли по одному!».

На соседнем пути лязгнул и начал медленно набирать ход товарный поезд. Увидев это, худой зэк вдруг кинул свой мешок прямо в морду ближайшей собаки, – и она, разумеется, яростно в него вцепилась! – а сам нырнул под колеса только что покинутого вагона. Не успела охрана опомниться, как он юркой ящерицей проскользнул на другую сторону железнодорожного полотна.

Началась страшная суматоха. Один из охранников дал очередь в воздух, после чего все зэки попадали лицами в снег, мысленно проклиная своего отчаянного товарища. Другие охранники начали спускать собак или, присев на корточки, палили между колесами, стараясь попасть в беглеца, который уже готовился запрыгнуть в проходивший мимо него товарняк.

Как назло, одна из пуль, срикошетив о чугунное колесо, угодила в сержанта. Он закричал от боли и упал на снег. Кровь хлестала из его шеи, забрызгивая всё вокруг. Возможно, именно это обстоятельство и спасло беглеца. Стрельба прекратилась и, пока другие конвойные пытались помочь хрипевшему в агонии сержанту, зэк, хотя и не с первой попытки, все-таки сумел запрыгнуть в товарный вагон. При этом он сорвал в кровь ладони, оставив на обледеневших поручнях куски собственной загорелой кожи...

* * *

– Из зоны бежал, убив конвоира, – сурово пояснил участковый.

Услышав про колонию, работница военкомата сразу засобиралась уходить.

– Распишитесь, пожалуйста, за набор и я пойду дальше, – холодно обратилась она к Григорию Петровичу, утратив недавнее обаяние.

Войтовский надел очки и подошел к столу.

– Тушенка немецкая, очень хорошая, – зачем-то сообщила женщина, увидев, как пенсионер взял в руки одну из банок и принялся рассматривать этикетку.

– Немецкую я не ем, – сухо сообщил Григорий Петрович, – можете забрать обратно.

– Да вы что?! Она же гораздо лучше, чем наша! – удивилась женщина.

– Считайте это моей стариковской причудой, но это я не возьму. Отдайте кому-нибудь ещё. А за набор я расписался, вот, пожалуйста, ведомость.

– Да кому ж я тушенку-то отдам? Не положено так.

– Это последнее слово. Я не возьму, – упрямо покачал головой пенсионер.

– Да почему же не взять? Что вы, в самом-то деле? Вон собачке своей скормите...

– Зачем же собачке? – неожиданно вмешался милиционер. – Давайте, я возьму. Мне есть, кому отдать.

Женщина покачала головой, но не стала спорить. Спрятав ведомость в сумку, она спешно попрощалась и направилась к двери. Войтовский проводил ее и вернулся в комнату, сопровождаемый Энгой, не отходившей от него ни на шаг.

– Значит, никаких сведений о сыне по-прежнему не поступало? – официально спросил участковый, вложив обе банки в свой журнал.

– Нет, – сухо ответил Григорий Петрович, стараясь не смотреть на своего визитера.

– А откуда цветная фотография на воздушном шаре? Недавно ведь сделана, это же сразу видно, – крутя фото в руке, вел следствие милиционер.

– По почте пришла.

– Откуда?

– Не помню, – и Войтовский, заранее предупреждая следующий вопрос, заявил: – А конверт я давно выбросил.

– А это? – и участковый ткнул пальцем в телеграмму, по-прежнему лежавшую в центре стола.

– Вчера почтальон принес. Еще вопросы будут?

– Будут, когда потребуется. Так значит, фото и телеграмму я забираю, как улики.

Создалась непродолжительная пауза, во время которой Войтовский устремил свой взгляд в одну точку – на икону, тихо что-то шепча, нервно шевеля губами.

– Ладно, тогда я пойду, – вздохнул милиционер, поняв, что с упрямством пенсионера ему не совладать. – Но если вы что-то узнаете, то немедленно сообщите в органы. Сами должны понимать, что бывает за сокрытие преступника.

Войтовский болезненно поморщился и кивнул головой.

– Так-так... что ж, тогда я пошел... – деловито осматриваясь, словно решая, что бы еще прихватить, начал прощаться милиционер. – Кстати, с праздничком вас!

И тут Григорий Петрович вдруг не выдержал.

– А не пошел бы ты на х...й! – с плохо скрываемой ненавистью прохрипел он. – Не нужны мне твои блядские поздравления! Такие гады, как ты, всю войну по тылам прятались и тушенку жрали. А когда она закончилась, начали бывших фронтовиков, героев, которые кровь за родину проливали, из немецких концлагерей да в свои собственные отправлять! Ненавижу!

– Что ты сказал, старая сволочь?!

Участковый медленно поднял руку, словно готовясь ударить беззащитного старика, но тут у него выскользнула одна из банок. Едва поймав ее у самого пола, он так же медленно выпрямился и угрожающе произнес:

– Вот, значит, как заговорил, гнида лагерная? Да ты знаешь, что я с тобой за это могу сделать?

Григорий Петрович промолчал, зато Энга, почувствовав в голосе участкового угрозу для своего хозяина, угрожающе зарычала.

– Давай-давай, – подбодрил милиционер покрывшегося красными пятнами Войтовского. – Ты на меня еще шавку свою натрави – и мигом окажешься там, где тебе и твоему сыну самое место.

– Иди жрать хорошие немецкие консервы, и чтоб я тебя больше не видел, – последовал четкий ответ.

Глава 5

Не пойман, не кайф!

В парке Горького играла музыка военных лет. Нахальные городские воробьи бойко скакали вокруг палаток, торгующих пивом и шаурмой. Обедков вокруг было столько, что всем хватало, а потому даже самые драчливые из пернатых пребывали в прекрасном настроении. Молодая листва, промытая легким весенним дождем, приобрела восхитительно-изумрудный оттенок. И это придавало всему окружающему особенно нарядный облик, поднимая настроение гуляющим горожанам.

И таковых было немало. Влюбленные парочки, проходя мимо торжественно-гордых стариков с орденскими планками на костюмах, наперебой поздравляли их с праздником и дарили цветы. А сами старики смущенно и растроганно благодарили, думая про себя о том же, о чем думает любой именинник в день своего рождения – как жаль, что самое прекрасное бывает только один раз в году!

Компания велорогих юнцов, состоящая из уже знакомых нам Юлиана, Дрюля, Папеля и Лады тащилась в сторону колеса обозрения. Первым, с бутылкой пива в руке, шел Юлиан, на котором были просторные хип-хоп штаны и шелковая черная рубашка с вышивкой на спине «OdeSSa Mutter», причем буквы SS были изображены в виде двух коротких молний, что ассоциировалось с эмблемой фашистских ССовских подразделений. Следом, по-стариковски шаркая огромными кроссовками со всегда развязанными шнурками, шел Дрюля, на футболке которого красовалась похабная надпись: «Не наклоняйся, а то отъимею!», в обнимку с Ладой. Оба выглядели весьма неважно – неказистая физиономия кавалера заметно отекала, а что касается личика дамы, то оно отличалось нездоровой бледностью и черными кругами под глазами.

И лишь Папель, которого после выпитого пива заметно отпустило, был весел и болтлив. Он даже не ленился пинать перед собой пустую банку из-под колы.

Сначала двигались молча, а затем впередиидущий Юлиан глотнул на ходу пива, смачно рыгнул и выступил с откровенно тупой заявкой:

– А классная вчера была туса!

– Да и стафф был улетный, настоящий, афганский! – охотно подтвердил Папель. – А уж как Машка отрывалась...

– Где вот только она щас, интересно? – с некоторой досадой в голосе спросил Юлиан.

Чтобы соригинальничать Дрюля запел,

– На заре ты её не буди, на пи...де у неё бигуди!

– Да хватит тебе! – прервала его Лада и попыталась вырваться из объятий своего бойфренда. – Ведешь себя, как быдло последнее!

– Снятся людям неспроста эрогенные места... – многозначительно выдал Юлиан.

Папель хмыкнул и пожал плечами:

– А какая на хрен разница, где Машка? Зато ей, по любому, щас гораздо хуже, чем нам.

– Это еще почему?

– Мы уже оклемались и сегодня обязательно что-нибудь замутим. А она, наверняка, пьет кефир и жалуется своей мамочке, какие же мы все козлы!

– Ты прав. Не будем эту чикку беспокоить и отрывать от мамочки. Пускай жалуется и дальше... Тем более что мы действительно козлы, – неожиданно заключил Юлиан и вновь присосался к бутылке.

– Говори только за себя, – неожиданно обиделся Папель, – а сам я считаю себя львом!

– Это карликовым, что ли? – презрительно спросил Юлиан и тут же фыркнул: – Что-то я не слыхал о такой породе...

– А о том, что даже слонам ломают бивни, ты слышал? – начал было заводиться приятель, и даже сжал руки в кулаки, которыми можно было испугать разве что лилипутов.

– Ша, пацаны, – вмешался в разговор Дрюля и даже снял руку с талии своей спутницы. – Кончай базар, утомили.

– Тебя не спрашивают, – буркнул Папель.

Однако Дрюля уже правильно оценил обстановку, поэтому своевременно выдвинул следующую инициативу, изложив ее в форме вопроса:

– А не покувыркаться ли нам на «фуйнечертовом колесе»? С такой высоты даже блевать интереснее...

Юлиан согласно кивнул, немедленно дополнив эту инициативу другой:

– Но для начала возьмем еще пивка и как следует возвыжрем, чтоб было чем сверху поливать окрестности!

Папель брезгливо поморщился и тоном глубоко оскорбленного аристократа заявил:

– Ну, блин, вечно ты все опошлишь! Кстати, если вздумаешь поссать, то я тебя из кабинки выкину на хрен, так и знай!

– Попробуй, а то вечно одни понты, – невозмутимо пожал плечами Юлиан.

Восприняв этот диалог друзей в качестве одобрения, Дрюля покровительственно обратился к Ладе:

– А ты что скажешь, крошка-мошка?

– Сам ты мошка, – поморщилась она, – не надо меня называть фуйнеченкой или чикой, надоело. А на колесо я не полезу – меня же стошнит! Забыл, что с утра было?

– Так мы же потом ничего не ели, – рассудительно заметил Дрюля и вдруг просяще-детским тоном добавил: – Ну, пожалуйста, чего ты?

Не прошло и десяти минут, как все четверо молодых людей поднимались наверх в кабинке колеса обозрения. Когда она достигла верхней точки, Дрюля наклонился к другой кабинке, которая уже начала спуск, помахал рукой и заорал сидевшим там девушкам:

– Куда, деффффченки-фуйнеченки? Меня-то подождите!

– А ты догоняй! – последовал плутовской ответ одной симпатичной, но весьма горластой «деффффченки», после чего Дрюля окончательно распоясался.

– Никаких проблем! Я уже иду! – снова проорал он и стал перелезать через край кабинки, которую, разумеется, сильно зашатало. Папель и Юлиан вцепились в отважного героя с двух сторон. Тот, правда, все же пытался полетать и даже сурово требовал:

– Отпустите меня немедленно!

Однако друзья без особого труда усадили его на место. Тем не менее, лукавый Дрюля добился самого главного – то есть сумел «навести шороху». Девушки, к которым он столь демонстративно пытался спуститься, смотрели на него снизу вверх восхищенными глазами, на что сам герой лишь виновато пожимал плечами и кивал на приятелей:

– Не дают мерзавцы позабавиться! Не дают чертей погонять!

Наконец, он успокоился, положил руку на спинку сиденья и снисходительно привлек к себе Ладю. Но она вдруг резко отстранилась и заявила:

– Когда мы спустимся вниз, то я немедленно отправляюсь домой!

– Скатертью дорога! – невозмутимо отреагировал Дрюля, зато Юлиан повел себя совсем иначе.

– Да не обращай ты внимания на его закидоны, – дружески посоветовал он. – Это же он только перед тобой выживался, а не перед теми кошёлками...

– Сам ты кошёлка! – неожиданно послышался возмущенный девичий голос снизу. – А еще у тебя морда, как у педика!

– Чего? – и Юлиан раздраженно оглянулся вниз, на кабину с девушками. – Вы чего там разорались? Шлюхи!

– Пидор вонючий! – продолжала разоряться самая горластая, после чего вдруг обратилась к Дрюле с неожиданным предложением: – Эй ты, герой!

– Что такое? – сразу встрепенулся тот.

– Если ты дашь в рыло своему дружку, то когда спустимся вниз, я изобразю тебе французский минет! – последовало неожиданно-соблазнительное обещание.

Дрюля вопросительно посмотрел на Юлиана, но тот был совсем не расположен шутить и даже слегка расправил плечи, как бы говоря: «Только попробуй». Более того, Юлиан даже встал с краю кабинки и начал расстегивать брюки, бормоча при этом нечто вроде: «Сейчас ты у меня отсосешь, падла горластая, сейчас...»

Остановил его только возмущенный голос Лады:

– Да прекрати вы все! С ума посходили? Вы же меня позорите!

Сейчас ей так неистово хотелось домой, что она мысленно решила: «Брошу их ко всем чертям и уеду! Надоели хуже собак, сопляки пьяные!»

* * *

Расставшись с Ладой, которая, несмотря на все уговоры, уехала домой, Дрюля, Папель и Юлиан заняли столик в летнем кафе, недалеко от центрального фонтана. Все трое друзей заказали горячий шашлык и холодное пиво.

– Дурак ты, Дрюля, – наставительно заметил Юлиан, едва прожевав первый кусок, – и чего было ссориться с Ладкой? Без телок же скучно...

– А сам ты не дурак? – не менее наставительно заявил Папель. – Кто вчера с Машкой поссорился? А ведь она ничем не хуже Лады, во всяком случае, на мой вкус.

– Да просто у меня в глазах сияет нездоровый блеск желания, вот он и отпугивает всех смазливых чик, – перешел на саркастический лад Юлиан, – но я с этим борюсь, как могу. Сплю ночь напролет без секса. Утром просыпаюсь, смотрю в зеркало – блеска нет, а как задуюсь высоким стаффом, так блеск опять появляется. Как с этим быть? Не пойму...

– Сами вы дураки! – неожиданно резюмировал Дрюля. – Подумаешь, какая-то телка сбежала. Да пошла она к Бениной маме! У меня вся память мобильного забита номерами! Кому угодно прям щас позвоню – и тут же нарисуются.

– А не врешь? – не поверил Папель.

– Хочешь проверить? – и Дрюля полез за телефоном.

– погоди, – остановил его Юлиан, – сначала надо решить, что мы с ними делать будем. В такую погоду дома сидеть не в кайф.

– И что ты предлагаешь? – вразнобой поинтересовались собутыльники.

– Надо рвать на природу! В Битцевский парк, например! Там и шашлыки вкуснее и пиво свежее.

– А чё, клево! – немедленно согласился Дрюля и снова взялся за телефон. – Айн момент! Алло, Олюсик?.. Чем занята?.. На даче с друзьями... Что ж, не буду беспокоить. Пока, – ловелас быстро набрал следующий номер, – Ку-ку Валюша! Это Дрюля! Клево, что я тебя поймал... Чё делаешь?.. Какой отстой!.. Что могу предложить?.. Да я тут с двумя классными перцами собрался пожрать шашлыков в Битцевском парке. Зови Лариску, а мы за вами заедем... Примерно через час... Все, заметано.

Он отключил телефон и победно посмотрел на заинтригованных приятелей:

– Чё я вам говорил, ботаны? Чтобы у меня, да телок не было! Да их у меня больше, чем конвертируемой валюты на душу населения!

– А что хоть за метёлки? – ревниво поинтересовался Папель.

– Да лимитчицы какие-то. Я их на дискотеке поднял. Они в студенческой общаге живут на Шаболовке... С этой Валюхой я уже пару раз кое-что намурыжил... Как говорится, «цигель-цигель, ай-лю-лю!»

– Об «ай-лю-лю» потом, – нетерпеливо перебил Юлиан, – сначала о деле. Давай план!

– А какой план? – пожал плечами Дрюля. – Всё банально! Ловим тачку, покупаем уголь и маринованный шашлык. Затем подбираем телок – и вперёд.

– Я согласен! – тут же загорелся Папель.

– Слушайте, а может мне отцовский «мерин» взять? – призадумался Юлиан. – На хрена нам на тачку разораться? Да и выглядеть покруче будем...

– А он тебе его даст? – загорелись глаза у Дрюли.

– Да я и спрашивать не буду. Он сегодня всё равно никуда не поедет. У него уже третий день «мотор» барахлит, поэтому он из дома ни на шаг.

– У «мерса» мотор барахлит? – изумился Папель.

– Да не у «мерса», а у отца! Сердце у него болит уже третьи сутки.

– Мне нравится! – с некоторым опозданием сообщил Дрюля, вытирая губы после очередного глотка пива.

– Что тебе нравится? – прищурился на него Юлиан. – Что у моего отца сердце болит?

– Да нет, я не о том... Клёво, что на «мерсе» поедем... Кстати. Папель, давно хотел тебя спросить – чё ты там сейчас рассказ сочиняешь?

Папель был знаменит среди своих друзей как «писатель»! Еще со школы постоянно сочинял все новые и новые главы бесконечного романа о поручике Ржевском. В этом романе браваый поручик «поротно» и «повзводно» имел всех знакомых им девушек, выведенных под титулами графинь и княгинь, причем в самых экзотических вариантах и обстоятельствах, начиная от стога сена и кончая крышкой рояля. Стоит ли говорить о том, что роман пользовался бешеным успехом у приятелей, постоянно требовавших продолжения. Впрочем, последнее время Папель занялся делами посерьезнее и даже пытался сотрудничать с гламурными изданиями.

– Я представил себе, как бы мог жить, если бы женился на дочке аллигарха, несметно разбогател, познакомился с дорогой путаной и стал бы ее тайным покровителем, – охотно поделился он своими творческими планами.

– Ну и дела! – изумился Дрюля. – Дались тебе эти путаны! Знаешь, как говорится: да убережет тебя Бог от дурных женщин, а от хороших спасайся сам!

Минут через десять приятели расплатились и направились к выходу из парка. По пути, правда, больше всех захмелевший Дрюля попытался залезть в фонтан, громко декламируя:

«Этот день победы водкой весь пропах,
Это праздник с фингалами на глазах,
Этот день победы пивом весь пропах,
Это праздник с тошнотою на штанах»!

Но Юлиан не позволил ему этого сделать, оттащив за шиворот от воды и авторитетно заявив:

– Мы же не десантура и не погранцы какие-нибудь! Эт-токо они могут безнаказанно устраивать ежегодные уличные беспорядки, а нас «мусора» мигом заметут...

Глава 6

Жизнь всегда можно начать с чистого листа, только почерк изменить трудно.

Когда красивая, сорока с лишним лет женщина по имени Юлия доехала до Кутузовского проспекта, солнце спряталось за острую, напоминавшую крейсер Аврору тучу, и начал моросить легкий весенний дождь. От такой погоды даже большой белый попугай Гоша, клетка с которым стояла на заднем сиденье ее серебристо-серого «VOLVO», слегка приуныл и перестал терзать хозяйку руководящими указаниями. А ведь он просто обожал командовать: «Напр-раво!» – «Налево!» – «Вперед!», пародируя металлический голос навигационной системы и порой делая это совершенно невпопад.

Когда впереди замаячила небольшая «пробка», женщина стала нервничать, то и дело поглядывая на панель с часами. Когда ее иномарка окончательно встала, едва не уткнувшись в бампер впереди стоящего «LEXUSE», Юлия достала мобильник и нажала две кнопки быстрого набора. Однако даже в этом ей не повезло, поскольку оказалось, что: «Набранный номер абонента временно недоступен».

Пока она нервно барабанила пальцами по рулю, поминутно рискуя сломать ногти, мимо ее «VOLVO», нарушая все правила дорожного движения, проехал бесцеремонный черный «HUMMER». Водитель с явно «интеллигентной» внешностью не мог не заметить очень симпатичную, ухоженную и выглядящую моложе своих лет женщину, послав ей нагловатый воздушный поцелуй. Разумеется, что Юлия никак на это не отреагировала, зато Гоша так и взорвался возмущенным криком, словно этот бесцеремонный жест был оказан ему:

– Кар-р-раул! Милиция! Г-р-рабят!

– Тише, ты чего орешь? – сердито обернулась на него Юлия. – Ну да, всегда есть хамы, которые вечно прут вне очереди, и ничего с этим не поделаешь... Но орать-то зачем? Я-то здесь в чем виновата?

Возможно, она бы и дальше продолжала поучать своего любимого попугая, но тут ей позвонил сын Даниил и попросил «купить чего-нибудь от изжоги».

– Вообще-то я опаздываю, – озабоченно заметила Юлия, – но да ладно, куплю.

– Ты сейчас где?

– В «пробке», на Кутузовском.

– В такую рань – и уже «пробки»? – искренне удивился Даниил.

– Праздничный день, что ж ты хочешь...

– Ма, звонил секретарь Колян Коляныча и напомнил, что сегодня мы обязательно должны зайти к ним.

– Вот черт! Совсем забыла... Думаю, я не уложусь по времени, так что ты уж извинись там за меня... Подарок для него лежит в гардеробной комнате в красной коробке.

– Ма, а может, извернешься и сама поздравишь?

– Нет-нет, вряд ли... да и потом, если уж совсем честно, то мне совершенно не хочется переться к этому жлобу, поздравлять его с днем рождения, а затем любоваться на то, как он начнет нажираться и дурковать...

– Так ведь сосед все-таки!

– Вот и сходи, если он тебе так нравится... Заодно и меня прикроешь. Справишься, я надеюсь?

– Справлюсь, – усмехнулся сын, – разве ты забыла, что я уже большой мальчик?

– И хотела бы забыть, да вряд ли получится, – только и вздохнула Юлия, вспомнив про свой возраст.

- Кстати, а Гоша еще с тобой?
- Скорее, это я с ним.
- Орет и командует, как обычно?
- Это точно.
- А кому ты его решила оставить?
- Одной хорошей знакомой. Ты её не знаешь, – слукавила Юлия.

Попугай явно почувствовал, что разговор идет именно о нем, поскольку вдруг снова заорал:

- Нап-р-раво! П-р-р-ивет!
- Слышишь? – засмеялась Юлия. – Гоша тебе привет передает.
- Я ему тоже. Ну, пока, мамочка. Я люблю тебя.
- Я тебя тоже, родной.

Юлия отключила телефон и надолго задумалась. Ей почему-то вспомнился тот самый жлоб Колян Коляныч – их сосед по элитному коттеджному поселку, который именно сегодня являлся юбиляром. Юлия его терпеть не могла, зато он к ней явно благоволил и, если бы не опасение вызвать гнев ее мужа, вполне бы мог за ней приударить. А уж какие развлечения этот нувориш себе периодически устраивал, будоража ими всю округу!

Во-первых, он очень любит палить из ракетницы в ночное небо, со свойственным ему цинизмом, называя это развлечение более чем богохульно: «отстрелить Богу яйца». Во-вторых, ему нравилось устраивать массовые мероприятия, причем повод для них мог быть абсолютно любым. Однажды, на седьмое ноября, он устроил нечто вроде демонстрации и бразильского карнавала одновременно. Иначе говоря, нанял грузовик, декорированный фанерными щитами под крейсер «Аврора», в рубке которого находился мощный динамик, глушивший всю округу революционными маршами и песнями о Ленине. А на палубе при этом резвилось пять стройных красоток в разноцветных купальниках, обильно украшенных перьями в лучших традициях карнавалов. Поскольку было уже весьма прохладно, то они энергично двигались, соблазнительно вращали бедрами и блудливо вскидывали обнаженные руки, щедро унизанные браслетами, демонстрируя гладковыбритые подмышки. Сам же нувориш, изрядно пьяный, с огромной сигарой в зубах стоял на капитанском мостике за штурвалом, будучи облачен при этом в строгий черный смокинг, белую манишку и черную «бабочку», а на его голове красовалась бескозырка балтийского флота.

Что касается собственных дней рождения, то и здесь не обходилось без причуд, о которых потом ходили целые анекдоты. Например, в прошлом году, когда время уже перевалило далеко за полночь, Коляну Колянычу и его гостям вдруг захотелось вспомнить молодость и глотнуть настоящего портвейна «Три семерки», причем непременно из граненого стакана. Местные магазины к тому времени уже были закрыты, пришлось посылать водителя за портвейном в Москву. Однако с граненым стаканом дело обстояло еще хуже – его вообще нигде не было! А господин нувориш уперся – подавай ему стакан, да и только! И пришлось его охране обходить дома местных жителей, правда не своего коттеджного поселка, а небольшой соседней деревушки, будить их и предлагать по сто долларов за стакан. Купить его удалось с большим трудом, поскольку разбуженные селяне считали подобное предложение глупой шуткой и посылали по самому популярному в России адресу. Но, когда драгоценный стакан был найден и доставлен, хозяин уже давно и беспробудно спал. Утром, один из охранников показал стакан хозяину и сообщил, какой ценой тот был куплен. Колян Коляныч от души изумился, послал охранника куда подальше и посоветовал продать стакан хотя бы за один доллар...

Вспоминая об этой истории, Юлия слегка улыбнулась и вдруг почувствовала несильный толчок сзади. Она резко обернулась и увидела, как из «боднувшей» ее «Лады-2108» выскакивает растерянный мужчина в пластмассовых очках с сотовым телефоном в руке, который он

со злостью отключает от питания. На какой-то миг он исчез из поля зрения («Осматривает мой бампер», – поняла Юлия), а когда снова возник, то оказался уже совсем рядом.

Юлия опустила стекло и спокойно посмотрела на него.

– Вы меня ради Бога извините, что так получилось! Неожиданно жена отвлекла своим дурацким звонком, чтобы я купил майонез, будь он теперь неладен, – с ходу заговорил владелец «восьмерки». – Впрочем, на моем бампере осталось всего несколько царапин, зато ваш треснул пополам, и фара разбилась... Посмотрите сами и скажите, сколько я вам должен заплатить за ремонт и покраску.

– Не беспокойтесь, – сдержанно улыбнулась Юлия, – не надо ничего платить.

– Но как же...

– Извините, но у меня просто нет времени. Лучше езжайте за майонезом. До свидания.

В этот момент пробка, наконец, начала рассасываться, и Юлия немедленно тронулась с места, оставив за собой удивлённого владельца «восьмерки», радостно подумавшего: «Повезло».

Минут через пятнадцать она, наконец, была на месте. Еще издали Юлия заметила симпатичного, со вкусом одетого мужчину лет тридцати пяти, который стоял у самой бровки и нетерпеливо всматривался в проезжавший мимо него поток машин. Воротник его изящного английского полупальто был поднят, а под мышкой торчала огромная алая роза, бережно завернутая в целлофан.

Стоило Юлии притормозить у обочины, как мужчина отбросил сигарету и обрадовано устремился к ее машине.

* * *

Мужчина сел в салон «VOLVO», посмотрел на Юлию влюбленными глазами, они так разволновались, что не могли произнести ни слова. Он застенчиво улыбнулся и протянул ей розу. Юлия взяла ее и, кажется, что-то сказала. Мужчина удивился, губы его возлюбленной шевелились, однако не издавали ни звука. В какой-то момент ему даже показалось, что он оглох от волнения – так сильно он любил эту невероятную женщину! Однако шорох целлофана, в который была завернута роза, убедил его в обратном.

– Прости? – вопросительно произнес он.

– Что? – негромко спросила она.

– Я хотел узнать, что ты сейчас сказала.

– Когда?

– Да вот только что, когда взяла розу...

– Это – самая прекрасная роза, которую я когда-либо получала в своей жизни. А сказала я тебе – спасибо, любимый.

– И тебе спасибо, любимая!

– За что?

– За то, что ты есть...

Наклонившись, и нежно обняв друг друга, они коротко поцеловались и застыли в объятии с закрытыми глазами. Им казалось, что время остановилось, а сами они то ли падают в бездну, прощаясь навсегда, то ли возносятся в небеса, решив никогда не расставаться... в какой-то момент стало обоим немного жутковато.

– Родной, а почему у тебя отключен телефон? – вспомнила Юлия, как только они вновь сели прямо.

– Не знаю, – пожал плечами Родион и полез в карман пальто. Достав мобильник, он нажал кнопку и глянул на экран. – Кажется, разрядился.

Он спрятал телефон обратно и зябко передернул плечами.

– Ты замерз? – заботливо спросила Юлия. – Может, печку включить?

Родион иронично взглянул на нее и покачал головой.

– Лучше еще один поцелуй...

И они вновь прильнули друг к другу. Но, на этот раз все было так восхитительно, что влюбленные забыли обо всем на свете, наслаждаясь вкусом долгого, сладострастного поцелуя. Однако этого нельзя было сказать о задремавшем в своей клетке попугае. Неожиданно он встрепенулся, взъерошил перья, скосил на нового пассажира любопытный взгляд и громко крикнул:

– Обвал цен!

Юлия фыркнула и оторвалась от Родиона. А он с улыбкой повернулся назад:

– Ох, извини, Гоша, забыл я с тобой поздороваться!

– Все на выбор-р-ры!

– Ну здравствуй, дорогой, здравствуй.

– Гоша хо-р-р-роший!

– Кто бы в этом сомневался!

Юлия и Родион взглянули друг на друга и прыснули со смеху.

– Гоша очень хо-р-р-роший! – продолжал настаивать неугомонный попугай.

– Я тоже согласна, – обернулась к нему Юлия, – только прекрати орать, совсем оглушил.

Машина плавно тронулась с места и быстро влилась в общий поток. По пути Родион счастливо-влюбленными глазами посматривал на сидевшую рядом с ним женщину, а попугай изредка веселил их своими ироничными замечаниям. Юлия была задумчива, поэтому, стоило им миновать Триумфальную арку, вновь свернула к бордюру и затормозила.

– Что-то случилось? – удивленно спросил Родион.

– Не то, чтобы случилось, но...

– Тогда что?

Перед тем, как ответить, Юлия ласково погладила его по руке, словно бы заранее выпрашивая согласие. А Родион, в свою очередь, радостно перехватил ее руку и прижал к губам, словно бы заранее это согласие давая.

– Ты не сочтешь меня сумасшедшей, если я предложу тебе прямо сейчас съездить в Бородино?

От такого предложения крикнул даже попугай, хотя и не относился к разряду водоплавающих. Что касается Родиона, то он широко раскрыл глаза, пытаясь понять, насколько серьезно это было сказано.

– Так и что ты мне на это ответишь? – после недолгой паузы поинтересовалась Юлия.

– Ты это серьезно?

– А почему нет? Все лучше, чем целый день торчать в доме отдыха.

– Но ведь это же далековато! Насколько я помню, более ста километров.

– Ерунда! Полтора часа езды – и мы на месте. Да и потом мне хочется, чтобы этот день запомнился нам на долго... Что скажешь на это авантюрное предложение?

Родион улыбнулся и покачал головой:

– Авантюристка ты моя любимая!

Глава 7 Накануне 9 Мая.

Майское солнце едва спряталось за далекой кромкой елового леса, как почти сразу опустились сумерки. Два черных джипа с тонированными стеклами стояли на обочине Ярославского шоссе, в десяти километрах от Москвы. В какой-то момент у заднего джипа окно водителя приоткрылось, и из него вылетел окурочок. Он упал на асфальт проезжей части, дважды подпрыгнул и прокатился немного вперед. Тихо зажужжал моторчик стеклоподъемника, и темное окно закрылось. Прошло ещё пять минут, прежде чем со стороны города Мытищи появился вороной, лакированный «Lexus» престижного бизнес-класса, который на большой скорости приблизился к выпускающему слабый дымок окурочку. И если сквозь тонированные стекла джипов при большом желании еще можно было что-то рассмотреть, то окна «Lexus» были непроницаемо зеркальные.

«Lexus» поравнялся с джипами и резко снизил скорость, однако не стал останавливаться, а проехал дальше. Подчиняясь негласному приказу, джипы завелись и синхронно тронулись вслед за ним. Три зловещие черные машины, с блатными номерами, скорее походили на агрессивных чудовищ с округлыми резиновыми лапами, чем на транспортное средство передвижения. Весь кортеж моментально набрал скорость и стремительно удалился за горизонт, оставив на шероховатой поверхности асфальта единственное напоминание о себе в виде погасшего окурочка.

* * *

– Значит так, Борич, – неторопливо давал указания Шрам, вальяжно раскинувшись на заднем сиденье «Lexus», летевшего под двести километров в час, – слушай меня внимательно. Пока я буду тереть с Алмазом, паси в оба. Может статься, что он замутит чего. Если просечешь, что его люди начинают непонятную движуху налаживать, то маякуй нашей братве – пусть гасят отморозков. Но только не раньше и не позже, чем станет ясно, что дело тухлое. Въехал?

Вопрос «Въехал?» прозвучал угрожающе и даже унизительно для собеседника. Да и как еще следовало разговаривать крупному шестидесятилетнему авторитету, имевшему тонкие губы, колкие глаза и большой белый шрам поперек левой щеки, со своим щуплым помощником, не носившим сколько-нибудь заметных знаков уголовного отличия? Разумеется, авторитет носил погоняло Шрам, что звучало солидно и весьма достойно для человека его лет и положения, в то время как кличка помощника была столь же мелкой и пронырливой, как и он сам – Борич. То есть, ни на Борисовича, ни даже на Боряныча он никак не тянул. Как говорится в определенных кругах: «Много чести язык трепать, твоё погоняло проще сплюнуть».

– Не волнуйся, Шрам, – поспешно заметил щуплый помощник, – всё по уму будет. Не в первой такая тема! Вот только я одного не догнал – с самим Алмазом-то что делать?

– Гасить, как волка позорного, вместе со всей его шестерней! – отрезал Шрам, и его левая щека едва заметно дернулась.

– А не крутовато ли станет?

– Это для тебя, фраера мелкого, любая мокруха, кроме убийства вши казематной, крутовато станет, – соизволил пошутить Шрам. – А я и не таких алмазов на кремни для зажигалок пускал. Тем более что этот лох колхозный меня уже достал своим беспредельным быковством. Так что сегодня все дела надо порешать окончательно.

Боричу явно не понравилась кровожадная решимость шефа, однако возражать он не стал, а всего лишь угодливо кивнул и мысленно помолился. Но не за Шрама, разумеется, а за себя, любимого – как бы не пострадать ненароком в намечавшейся сегодня заварухе...

Сам же Шрам отвернулся к окну и засмотрелся на мелькающий за стеклом смешанный лес. Ему неожиданно вспомнилось, как много лет назад, будучи в гостях у своей бабки в деревне, когда ему только-только исполнилось шестнадцать лет, он вместе с местными пацанами поехал на телеге в соседнее село. Там их ждала разборка с семьей некоего Васьки Колпакова, опозорившего младшую сестру деревенского друга Шрама. Была ночь. Организатор поездки – тридцатилетний уголовник и местный авторитет сидел рядом с извозчиком. Он скрестил на груди руки, покрытые синими татуировками, и часто поднимал глаза к темному, почти черному небу, среди которого ярко горела луна; а лошадь, словно предоставленная сама себе, глубоко понурила голову, как бы не ожидая ничего хорошего в недалеком будущем от настроения своих седоков, и подвигалась вперед медленным, осторожным шагом. По обеим сторонам дороги мрачной массой дремал лес. В ту ночь Шрам совершил свое первое убийство, за которое получил свой первый срок.

* * *

Окончательно стемнело, когда грозный кортеж въехал в элитный поселок под Ярославлем, распластавшийся на берегу Волги и состоящий из шикарных коттеджей, обнесенных высокими заборами, способными выдержать удары средневековых стенобитных орудий. Возле одного из таких замков-коттеджей все три машины и остановились. Стоит заметить, что на всех автомобилях красовались чистенькие номерные знаки Ярославского региона, которые люди Шрама предусмотрительно повесили поверх своих оригинальных номеров перед въездом в поселок. Также немаловажным фактом было и то, что эти поддельные номера являлись копиями тех, которые значились на автомобилях ярославских бандитов из противоборствующих группировок.

Первым вышел бандит, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем. С розовым лицом, не обремененным интеллектом, он был наименее ценным членом всего «экипажа», поэтому Шрам бесцеремонно послал его на разведку, сопроводив свое приказание своеобразной шуткой-прибауткой:

– Сходи, Лавруша, поветри уши.

Оказавшись возле железной калитки, бандит по кличке Лавруша несколько раз оглянулся по сторонам, при этом каждый раз поворачиваясь всем телом, словно бы его могучая шея уже не способна была управлять головой. Затем бросил беглый взгляд на покинутый им «Lexus», словно бы прикидывая путь к отступлению, и, наконец, нажал толстым пальцем кнопку переговорного устройства.

– Какого х...я надо? – неприятливо спросил незримый страж ворот.

– Открывай, мудила, Шрам приехал.

– Давно пора!

– Тебя, фуцана, не спросили.

– Ты у меня еще нарвешься... Борзой очень.

– Ты сначала открой, а после мы с тобой побазарим.

Железные ворота медленно поползли в сторону. Все три машины оказались на приусадебной территории и, мягко шурша шинами, подкатили к центральному входу в особняк.

* * *

Тем временем, Алмаз уже ждал гостей, уютно расположившись в огромном кабинете с курительной трубкой в руках. Несмотря на всю «торжественность» момента, одет этот бородастый немолодой мужчина с вальяжно-покровительственными манерами был весьма домашнему – в короткую стеганую куртку красного цвета, подпоясанную ремешком, светлые вельветовые брюки и мягкие домашние мокасины. Если бы на ногах у Алмаза были красные штаны и сапожки, он бы походил на Санта Клауса. Сидя в кресле, бородач свободной рукой поглаживал лежавшего у его ног огромного мраморного дога, который периодически зевал во всю пасть, обнажая страшные зубы и длинный розовый язык, другой почесывал гладко выбритый череп.

Во время одного из таких зевков в кабинете появился встревоженный молодой человек лет двадцати пяти. Это был сын Алмаза по имени Альберт – любят в провинции от скуки давать детям вычурные имена. От отца он унаследовал крупные черты лица и большой нос, однако невозмутимости и вальяжности ему еще явно следовало поучиться.

– Что-нибудь случилось, сынок? – лениво поинтересовался Алмаз, попыхивая трубкой.

– Приехал Шрам со своими ублюдками, – коротко доложил Альберт и вопросительно посмотрел на отца, которого с самого детства называл исключительно по кличке: сначала кар-тавя – Аймазь, после – Амаз, наконец – Алма-аз.

– Вот и славно. Скажи им – пусть заходят в каминный зал и ждут меня.

– Но ведь их слишком много! Два джипа и «мерс». Из-за тонированных стекол точно не сосчитать, но, я думаю, человек двенадцать наберется.

– И что тебя так тревожит?

– Ну как... Мало ли чо... Кто знает, чо эти москвАчи задумали...

– Эх, сынок, пойми одну простую вещь, – наставительно заметил Алмаз. – Человек, уверенный в своих силах приехал бы с одним водителем. А вот человек ссыкунявый, у которого поджилки трясутся, обязательно захватит с собой всю свою кодулу. – Он сделал паузу, чтобы в очередной раз втянуть дым ароматного табака, после чего добавил. – Впрочем, так и быть, позвони нашим парням... Человек пять, я думаю, будет вполне достаточно... Да, и всю эту сволочь в дом не зови. Пусть сидят в своих грёбаных катафалках и обсираются со страху.

Приказ отца явно пришелся по душе сыну, поскольку он обрадовано кивнул: «Сейчас, батя, сей момент всё оформлю» и устремился к выходу.

– Постой, – окликнул его Алмаз.

– Чо?

– Покамест я буду базарить с этими уродами, возьми-ка ты Байрона, – он указал на гигантского немецкого дога, который, услышав свое имя, тут же приподнялся с пола, – да пойдй, погуляй к реке. Когда я освобожусь, то звякну тебе на «мобилу».

– Алма-аз, ты не хочешь, чтобы я присутствовал при разговоре? – удивился Альберт.

– А зачем тебе слышать всякую х..ню? – невозмутимо поинтересовался отец.

– Да нет, я не о том... Просто мало ли чо...

– Просто пойдй и погуляй, только и всего! – приказал Алмаз тоном, не допускавшим никаких возражений.

Альберт с детства привык во всем слушаться отца, которому безоговорочно доверял, поэтому подозвал к себе чёрного дога и открыл перед ним дверь. Как только они вышли, вальяжность Алмаза мгновенно улетучилась. Он порывисто поднялся с кресла и подошел, скорее сказать кинулся к письменному столу. Выдвинув верхний ящик, Алмаз достал оттуда пистолет, передернул ствол и положил пистолет в карман своей стеганой куртки.

Затем удовлетворенно пыхнул трубкой и вернулся в свое любимое кресло.

* * *

Разговор двух преступных авторитетов с самого начала пошел тяжело и немного нервно. И даже уютная обстановка каминного зала, сделанного в классическом английском стиле XIX-го века вперемешку с ханжескими добавками хозяина дома, – то есть для неспешной беседы двух пожилых джентльменов за бокалом старого шотландского виски, – не смогла тут помочь. Возможно, виной послужило то обстоятельство, что помимо двух авторитетных джентльменов при беседе присутствовало еще четверо неавторитетных неджентльменов, от нечего делать буровивших друг друга тяжело-тупыми взорами. Трое из них были самыми заурядными телохранителями, а четвертым – задумчивый, точнее сказать, совсем потерявшийся от страха Борич.

– У тебя нет выбора, Шрам, – неспешно раскуривая трубку, сообщил Алмаз. – Времена изменились. Или ты делаешь, как говорю я, и получаешь свои десять процентов от оборота, не считая отбивки, или окончательно уходишь в тину и забываешь про наш Ярославль. Мне, вообще, не ясно, какого хрена ты возомнил себя здесь, на моей территории круче того, что ты есть на самом деле. В нашем с тобой бизнесе и возрасте надо вести себя аккуратнее.

– Э нет, Алмаз, – тут же откликнулся собеседник, – по-моему, это ты кое во что не въезжаешь!

– Например?

– Например, в то, как изменился расклад за последние пару лет. И причем изменился не в твою пользу. Ты же понимаешь, что весь товар, который идет сюда от разных поставщиков контролируется одними людьми, и эти люди дают мне добро.

– Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь. Только поэтому и пригласил тебя перетереть. Но учти, мое терпение гораздо короче, чем у папы римского. И грехи прощать, и терпеть я тебя готов вместе со всеми другими поставщиками только на своих условиях.

– Ну и дела! – неожиданно вздохнул Шрам и, как бы в ответ на удивленный взгляд собеседника, пояснил: – Мне очень не нравится, что мы с тобой базарим в подобном тоне. Этак мы никак не сможем договориться.

– Договариваться можно с равным, – холодно заметил Алмаз, – а тебе после смерти твоего фсбэшного генерала теперь никогда не дорасти до моего уровня, что бы ты о себе не возомнил. Поэтому мое слово такое – или все становится по-новому, или ты валишь отсюда навсегда.

Шрам снова вздохнул и даже пожал плечами, словно бы удивляясь непонятливости своего собеседника.

– Мне не нужна ничья кровь, но ты – человек старых понятий, – наставительно заговорил он. – Времена меняются, но ведь и мы с тобой не огурцами торгуем. Вот я никак и не врублюсь – почему ты в это дело до сих пор не въедешь?

– Потому, что ты мне ничем этого не обосновал!

– Чего?

Последнее замечание Алмаза явно привело Шрама в тупик, и он даже наморщил лоб, пытаясь уразуметь аргумент оппонента. И тут же, словно подчиняясь негласной команде хозяина, наморщил лоб и его телохранитель Лавруша. В другое время это выглядело бы весьма забавно, однако сейчас Алмаз уже начал раздражаться по-настоящему.

– Я не думал, Шрам, что ты такой тупой, – держа дымящуюся трубку в руке, резко заявил он. – Неужели ты ещё так и не понял, кто теперь за мной стоит? Неужели в твоей бронебойной башке, об которую расколется любой кирпич, за последние шесть лет так и не родилась самая простая мысль?

– Какая еще мысль?

– Почему именно я поднялся в Ярославле выше вас всех.

– В том-то и дело что родилась, – и Шрам упрямо кивнул своей «бронбойной башкой».
– Да неужели? – иронично поинтересовался Алмаз. – И как же ты себе ответил на этот вопрос?

– Ты, бля, гнида казематная, таракан вонючий, которого я могу раздавить в любую минуту.

После столь радикального оскорбления воцарилась долгая пауза. Телохранители обоих джентльменов, делая вид, что почесывают подмышки, нервно ощупывали спрятанные под пиджаками кобуры с пистолетами, заметно побледневший Борич уже прицеливался нырнуть под стол, а трубка в руке Алмаза внезапно вспыхнула и потухла.

– Ништяк, – произнес ее хозяин, – после такой заявки тебе здесь ловить уже нечего. Я проживу и без твоего товара. Давай просто разодемся, как в море корабли, дабы избежать никому ненужных разборок. Сейчас ты уедешь и расход по мастям. Теперь на рынке я хозяин и мне решать чё по чём.

– Время покажет... – с явным остервенением заявил Шрам.

* * *

Стоя возле окна, Алмаз пристально наблюдал за отъездом гостей. Благодаря фонарям по всему периметру участка, площадка перед центральным входом в особняк, была как на ладони. Первым из дома вышел угрюмый Шрам. Борич следовал за ним как собака, а Лавруша, обогнав шефа, услужливо распахнул перед ним дверцу немецкого железного коня.

Не торопясь, Шрам разместил свое дородное тело в кожаном салоне, после чего телохранитель захлопнул дверцу и направился к своему месту рядом с водителем. Борич проворно юркнул в салон и уселся рядом с шефом. После того, как хлопнули дверцы, машина плавно тронулась по направлению к воротам, рядом с которыми уже дежурил охранник Алмаза. Именно он нажал кнопку, и ворота начали медленно открываться.

Сам Алмаз, проводив взглядом удалявшийся «Lexus», подумал: «Человек чувствует себя сильным только когда побеждает...», после достал из кармана куртки пистолет и, подойдя к письменному столу, небрежно кинул его в ящик. Затем взял мобильник и набрал номер сына.

– Альб? Возвращайся, сынок, все в поря...

Он еще не успел договорить, как снаружи раздался выстрел. Алмаз выронил телефон и вновь метнулся к окну. Ему удалось увидеть, как его охранник, сраженный выпущенной прямо из салона пулей, рухнул на остановившийся «Lexus», глухо ударившись головой о капот.

Дальнейшие события начали развиваться по нарастающей. Лавруша проворно вылез из машины с пистолетом в руке. Небрежно перешагнув через труп охранника, он нажал кнопку, и ворота, так и не открывшись до конца, остановились и поползли в обратную сторону. А из следовавших за «Lexus» джипов уже выскакивали люди Шрама с оружием в руках.

– Ах вы, падлы беспредельные... – досадуя на собственную оплошность, проскрежетал зубами Алмаз и вновь метнулся к столу за пистолетом.

Тем временем, в особняк уже ворвалось шестеро бандитов Шрама, возглавляемых неугодным Лаврушой, который, явно почувствовав себя в своей стихии, непрестанно ухмылялся. Именно он с ходу пристрелил дежурившего в доме охранника, который сунулся было им навстречу.

Затем, рассредоточившись по сторонам и настороженно оглядываясь, нападавшие проворно двинулись в сторону каминного зала. В тот момент, когда они проходили мимо гостиной, из-за полуотворенной створки двери вдруг высунулась чья-то рука с пистолетом. Два выстрела прогремели один за другим, в результате чего первый из нападавших был убит наповал, а второй тяжело ранен. Пока он, скорчившись на полу, орал от боли и матерился, Лавруша, разъяренный неожиданными потерями в своих рядах, трижды продырявил дверь, за которой таи-

лась засада. Через секунду из-за нее вывалился второй охранник Алмаза, на белой сорочке которого расплывалось сразу три кровавых пятна.

– Вперед, вперед, – тоном командира, зовущего своих бойцов в атаку, приказал Лавруша оставшимся четверым бандитам. – Алмаз, гнида, должен быть где-то здесь.

– Не оставляйте меня, братаны, – на секунду прекратив стонать, попросил раненый.

– Не бзди раньше времени. Мы тебя потом заберем, – пообещал ему Лавруша.

– В натуре, не бросите?

– Блядь! Я же сказал! А будешь орать, пристрелю!

Раненый бандит испуганно притих, а его сотоварищи, подчиняясь энергичным жестам Лавруши, подкрались к двери, ведущей в каминный зал. Затем, резко распахнув эту дверь, они ворвались в помещение, держа пистолеты наготове двумя руками – именно так, как это делают американские полицейские во всех без исключения голливудских сериалах.

К немалому разочарованию Лавруши, немедленно последовавшего за своими подчиненными, в каминном зале никого не оказалось.

– Искать! Искать! – прорычал Лавруша. – Алмазу некуда отсюда уйти...

Бандиты начали рыскать по полутемному залу, освещенному всего лишь двумя неяркими бра да огнем из камина. Меньше всего из них повезло тому, кто вздумал сунуться за тяжелую бархатную портьеру. Здесь он тут же уткнулся лбом в холодное дуло пистолета, который держал прятаящийся за занавесью Алмаз.

– Подохни, гнида! – быстро произнес «авторитет», нажимая курок.

Забрызгав всю стену тем, что при жизни заменяло ему мозги, бандит тяжело рухнул на пол. Что касается Алмаза, то он, поневоле вспомнив лихую уголовную молодость, проявил недюжинное проворство. Для начала, он выстрелил наугад несколько раз подряд, чем заставил нападавших залечь на пол и даже отползти назад. Затем, отступив на шаг от окна, резко бросился на него всей своей тушей и, под оглушительный звон стекол, тяжело вывалился наружу заднего двора.

Когда Лавруша опомнился и подбежал к разбитому окну, Алмаза под ним не оказалось.

– О, паскуда, куда он мог деться?!

Ответа, разумеется, не последовало, зато в этот момент из задней части дома донеслось несколько выстрелов, и послышался истеричный лай собаки. Собака явно кого-то преследовала, поскольку лай быстро приближался, сопровождаемый топотом бегущих ног. Лавруша насторожился – и вовремя! В каминный зал ввалился один из его подручных, преследуемый огромным догом. Откуда-то из глубины анфилады раздался выстрел из охотничьего ружья, в результате которого бандит замертво свалился прямо к ногам Лавруши. Дог мгновенно оказался на спине своей добычи, вцепившись огромными зубами в загривок мертвого бандита и грозно рыча. Зрелище оказалось настолько впечатляющим, что не на шутку перепуганный Лавруша выстрелил в собаку несколько раз подряд, прекратив жать на курок лишь тогда, когда дог затих на своей жертве, заливая ее собственной кровью.

– Байрон, ты где?!

Встревоженный молчанием собаки, Альберт вбежал в комнату, держа охотничье ружье наперевес, и был тут сражен двумя пулями, выпущенными из разных углов каминного зала.

* * *

Для оставшихся в живых бойцов, покинуть особняк Алмаза, залитый свежей кровью и напоминавший поле битвы, оказалось не менее сложным делом, чем туда ворваться. Во-первых, Лавруша оказался верен своему слову, а потому они волокли на себе раненого, во-вторых, – и это было гораздо хуже! – им пришлось с боем пробиваться к собственным джипам.

Пока шла отчаянная перестрелка в доме, хорошо слышная на всю округу, к воротам подъехал «BMW». Оттуда выскочило пятеро бойцов Алмаза, вызванных Альбертом на помощь. Несмотря на безнадежные сигналы клаксона, ворота им так никто и не открыл, и они уподобились ниндзя, лихо перемахнув через забор.

Все это случилось как раз в тот момент, когда отряд Лавруши начал покидать особняк. Поскольку бойцы Алмаза оказались в тени забора, а бойцы Шрама – на фоне ярко освещенного дома, то они сразу же понесли потери. Раненому, которого волокли на себе двое соратников, досталось никак не меньше шести пуль, так что в медицинской помощи он уже больше не нуждался. Из четверых, оставшихся в живых бойцов, включая и самого Лаврушу, один был тяжело ранен. А нападавших было пятеро – здоровых, озлобленных, снаряженных полными обоймами, умело прячущихся и перебегающих с места на место. Несладко пришлось бы неустрашимому Лавруше, если бы ему на помощь вовремя не пришел шеф и Борич, притаившийся между двумя джипами. Да, это именно Шрам, следивший из своего тонированного «Lexus», за ходом сражения, вовремя покинул салон и короткой очередью из автомата «Узи» сразу свалил троих нападавших. Добить оставшихся оказалось «делом техники», да и Борич тоже принял участие, паля наугад из своего ствола. Причем ему повезло меньше чем шефу – один из людей Алмаза успел продырявить его левую руку не совсем метким выстрелом – метился-то он явно в сердце. Но, несмотря на радостный факт, что Боричу удалось выжить – он скулил шакалом...

Впрочем, потери отряда Шрама оказались настолько велики, что один из двух джипов чуть было не пришлось бросить во дворе, ибо вести его было просто некому – от банды осталось двое раненых и Шрам с Лаврушей. Примерно так же, во времена великих географических открытий, эскадры Колумба, Васко да Гамы да и других знаменитых путешественников, вынуждены были сжигать свои корабли, ввиду слишком больших потерь среди экипажей. Но, оставлять такие очевидные улики для следствия было не в правилах Шрама, и он приказал посадить за руль в один из джипов раненного в руку Борича и взять этот автомобиль на буксир.

Однако Шрам не забыл об основной цели своего визита, поэтому перед тем, как отдать приказ об оставлении затихшего поля битвы, он подозвал к себе запыхавшегося Лаврушу, чтобы задать ему самый главный вопрос:

- Алмаза порешили?
- Кажись, да, – неуверенно отвечал самозванный командир «бандитского спецназа».
- Что значит «кажись»?! – разъярился Шрам, держа автомат опущенным дулом к земле. –

Грохнули или нет?

– Ну не видел я, Шрам, – с отчаянием в голосе покаялся Лавруша, – после того, как он в окно сиганул, я его больше и не видел. Тут же такая пальба началась... Зато пса и змееныша его Альбертина мы точно грохнули – сразу с двух стволов замочили.

– Пса... – протянул босс, – что мне его кобель?! Что мне его дегенерат Альб?! Я хочу видеть труп Алмаза, иначе на хрена вся эта разборка замучена?!

– Тогда что, шеф... Может, пойти поискать? – предложил Лавруша, причем по одному только неуверенному тону было ясно, насколько же ему не хочется этого делать. Да и что за удовольствие – уже после окончания выигранного сражения, нарваться на пулю недобитого и затаившегося врага?

– Да где его теперь в темноте искать... Кто-нибудь в поселке уже ментов вызвал. Валим отсюда!

- А что с нашими жмуриками делать?

Шрам был так удивлен этим вопросом, что сначала молча уставился на Лаврушу и лишь затем нехотя буркнул:

– Можешь остаться и прочитать над ними отходную... Забыл зачем мы канистры с бензином привезли?!

- В натуре! С этой пальбой из башки всё вылетело.

– Короче, быстро собирай все стволы, братву затаскивай в дом и поджигай, а я постою на стреме...

Спустя несколько минут, когда внутри дома всюду полыхало пламя и после того, как «Lexus» и джипы выкатили со двора, оставив за собой ворота открытыми, откуда-то из кустов, расположенных возле заднего крыльца, с трудом выбрался бородатый человек с пистолетом в руке и прострелянной ногой чуть выше колена. Первым делом он, преодолевая жуткую боль, доковылял до окна, разглядел среди огня и трупов Альберта с собакой, отчаянно крикнул прямо в черное звездное небо «Падла, Шрам! Тебе кабздец...» и зарыдал. Затем, услышав вдали завывание приближающейся милицейской сирены, направился прочь от дома, то и дело падая, и сильно хромя на раненную ногу.

Глава 8

9 Мая.

Тётка в полупрозрачном голубеньком сарафане, беспричинно обругавшая фронтовика Войтовского на площадке первого этажа, теперь находилась в квартире своей дочери, кстати сказать, располагавшейся в том же подъезде где проживал и Григорий Петрович. Галя или Галчонок, как она любила называть свое чадо с рождения, была двадцатипятилетней бездельницей, обладавшей от природы шикарной фигурой модели и смазливой физиономией (непонятно от кого она унаследовала такие данные, ведь на свадебной фотографии ее родителей «красовалась» парочка реальных уродов с дебильными физиономиями). Кроме фигуры природа наделила Галю еще и взглядом, который, как сама она считала, способен воспламенить не то что любого мужчину, но даже отсыревший кусок фанеры! Что же касается известного высказывания, что девушка может уехать из деревни, но деревня из девушки не уедет никогда, Галя считала его просто глупым. Ведь какая разница для богатых мужиков – уехала деревня из девушки или нет, главное, чтобы у девушки было все на своем месте и красиво уложенные волосы...

Галя проживала в двухкомнатной квартире, арендованной для нее любовником, вместе с трёхлетней дочкой Настей, умышленно рожденной ею от того же любовника. Правда, будучи девочкой, Галчонок грезила стать столичной фотомodelью, которая будет рекламировать шампуни и дорогие гели для волос на страницах глянцевого журнала, но судьба распорядилась иначе, и теперь, став обычной содержанкой, она мечтала лишь об одном, чтобы ее не бросил любовник, годившийся ей как минимум в отцы.

Мать навещала Галю от случая к случаю, потому что жила под Тверью, в трехстах километрах от Москвы. И каждый раз, когда она приезжала в ее обитель – считала долгом собственноручно приготовить «что-то вкусненькое». Вот и теперь, не изменяя традиции, она стояла у плиты, помешивая длинной ложкой в большой кастрюле, где бурлили наваристые ароматные щи из квашеной капусты. Галя сидела за столом, держа на коленях Настю, которую лениво кормила овсяными хлопьями с топленым молоком.

– Ты мне, доча, вот што скажи: до каких это пор, понимаешь, будет это распутство продолжаться? – не отворачиваясь от кастрюли, спросила пожилая мать.

– Ма, может, уже хватит об этом? Самой-то не надоело талдычить?

– В том то и дело, што надоело, – тут она повернулась, – где это видано, штобы ребетёнок как последний выблядок жил?

– Ма...

– Что ма?!

– Хватит уже. Настя никакая не выблядок.

– А кто? А? Чо заглохла?

– А я как у тебя росла? Вообще без отца!

– Вот и выросла прошмандовкой! А я, ведь, растила тебя одна, потому што твой отец от цирроза печени умер, а ты... Нет штоб нормального мужика себе найти, а ты кого нашла? Старого козла, да ещё и женатого!

– По крайней мере, он денег даёт на меня и на дочку, да ещё и квартиру снимает, а ты как гнила, как у негра в жопе, всю жизнь в своей деревне с алкашкой, так там и подохнешь!

– И подохну в своей деревне! Зато в глаза народу глядеть не стыдно!

– А мне на твой народ плевать! И на деревню твою тоже!

– Твою деревню! Да ты сама-то, давно ли городская стала? Забыла уже, как коров за сиськи дергала да порослям хвосты крутила?

– Мамецка, – прервала беседу бабушки и мамы Настя, – водицки хоцю.

- Подожди, Настенька, сейчас налью.
- Дочку бы хоть пожалела!
- А я, может, только ради дочки всё это и терплю...
- Терпит она! Лучше бы на работу устроилась да жила бы как баба нормальная, а то сидишь тут безвылазно, морду малюешь да копыта свои расставляешь.
- Что значит безвылазно? И чевой-то я там расставляю? Ты же знаешь, как он меня любит и Настю! Мы же только недавно приехали с ним с курорта заграничного. Он там так Настю баловал, что все обзавидовались!
- Обзавидовались! Да чему? Старый пердун, хряк натуральный со своею любовницей на моря приехал! А ты его спросила, чево энта рожа трухлявая жене своей сказал, когда с тобой на курортах загорал?
- Мама! Какая еще рожа трухлявая?! И вообще, варишь свои щи и вари дальше!
- Мамецка, водицки...
- Вот и варю, а кроме рожы он еще горбатый и с мамоном отвисшим!
- Да что ты несешь!?
- Несешь! Сама-то вона только мордулет и ногти свои мазюкать умеешь, а штоб ребетёнку чего приготовить – так это мне из деревни приезжать надобно!
- Да можешь не ездить!
- Мамецка...
- И не буду больше ездить!
- Ой-ой-ой! Испугала! Тоже мне повариха!
- Водицки...
- Да подожди ты, Настя, со своей водой! – перешла на истерический крик Галя и маленькая Настя тут же расплакалась.
- Вот ведь какая мамаша никудышная! Довела-таки ребетёнка!

Глава 9

*«Невозможно всегда быть героем, но всегда можно оставаться человеком»
Иоганн Гёте*

Оправившись после едва не ставшего трагическим происшествия в лифте и успокоившись после бурного разговора с участковым, Григорий Петрович вновь надел свой пиджак, увешанный медалями и орденами, и вышел из подъезда. Его сопровождала Энга, на этот раз вместо строгого ошейника на шее у собаки была самая обычная верёвка, конец которой находился в руке Войтовского. Они уже спустились с крыльца, как вдруг пенсионер вспомнил:

– Ё-моё! Я ведь сумку забыл на стуле в прихожей! Энга, бедная моя, придется нам вернуться.

Они повернули назад, но в тот момент к подъезду подъехала недорогая иномарка южнокорейского производства. За рулём сидела красивая, кудрявая темноволосая девушка лет двадцати пяти. Девушка нервно кусала и без того алые губы, и суетливо оглядывалась по сторонам.

Как только пенсионер с собакой исчезли в подъезде, девушка вышла из машины, негромко хлопнув дверцей. Одетая она была недорого, но со вкусом – голубая куртка с заклепками, белоснежная футболка и плотно облегающие брюки-капри с широким кожаным ремнем, увенчанным большой пряжкой с индейским орнаментом. Изящные сабо на высоких каблуках и сумочка с бахромой в стиле «вестерн» дополняли наряд. Любой, хоть немного разбирающийся в женщинах, представитель мужского пола без особого труда отнес бы эту барышню к разряду тех развратных и при этом самодовольных стерв, которые заарканив мужчину, рано или поздно превращают его в раба, готового исполнять ее любую прихоть и похоть...

Когда девушка зашла в подъезд, Войтовский все еще стоял на лестничной площадке и ждал лифт. Девушка подошла и стала рядом, не обратив внимания ни на фронтовика, ни на собаку. Зато Энга весьма ею заинтересовалась и деликатно обнюхала ее правую штанину. Девушка стояла совершенно неподвижно, и лишь однажды встряхнула запястьем, на котором сразу же зазвенело множество тонких серебряных браслетов, чтобы поправить свои волнистые волосы.

Дверцы лифта открылись, и все трое зашли внутрь. Григорий Петрович деликатно постоял, пропуская девушку вперед, и придержал Энгу. Затем вопросительно посмотрел на незнакомку:

- Вам какой?
- Шестой.

Войтовский нажал две кнопки подряд, двери лифта с шумом закрылись, и кабина плавно поплыла вверх. Энга с прежним любопытством продолжала изучать стройную спутницу, задрав вверх свою умную морду. Девушка не удостоила ее взгляда, не говоря уже о том, чтобы похвалить. Она вышла первой, а старик и собака продолжили подниматься дальше.

– Какая странная девушка, не правда ли, Энга? – спросил Григорий Петрович, поглаживая собаку. – Наверное, у нее какие-то неприятности, если она не обратила на тебя никакого внимания... Но ты уж на нее не обижайся.

Выйдя из лифта, девушка немного постояла на лестничной площадке, словно бы взвешивая все за и против, после чего пошла по коридору, бормоча себе под нос нечто вроде «направо и прямо». Приблизившись к железной двери, на которой не было номерного знака, она вновь остановилась и какое-то время провела в напряженном раздумье. Наконец, преодолев состояние неуверенности, позвонила. За дверью царил тишина. Тогда она нажала кнопку ещё раз

и долго не отпускала палец. Однако жильцы квартиры по-прежнему не подавали ни малейших признаков жизни.

– Ну, уж нет, просто так я не уйду, – решительно заявила девушка самой себе. Затем, повернувшись спиной, прислонилась к двери и принялась ждать.

* * *

В этот праздничный майский день Битцевский парк был охвачен свежестью молодой листвы и травы. Весело щебетала «мелкая птичья сволочь», а возвратившиеся из африканской ссылки грачи деловито сутились в вышине березовых крон, целиком поглощенные реставрацией своих гнезд. В этом занятии они очень походили на подмосковных дачников, впервые после долгой зимы навестивших родную «фазенду».

Немного устав от прогулки, Войтовский устроился на поваленном дереве, после чего извлек из сумки бутылку водки «День победы», граненый стакан и нехитрую закуску в виде пары бутербродов с подаренной сегодня колбасой и большого соленого огурца. Поблизости никого не было, и только Энга ходила вокруг хозяина, периодически что-нибудь обнюхивая.

Тем временем, Григорий Петрович аккуратно достал старый альбом с фотографиями и положил его рядом с собой на бревно. Распечатал горлышко и налил себе полстакана. Немного посидел в раздумье, встал по стойке «смирно», снял кепку и выпил до дна. Снова сел, взял бутерброд с колбасой и, морщась, надкусил. Вторая половина бутерброда досталась Энге.

Когда Войтовский открыл альбом, из него выпала черно-белая фотография. Он поднял её и задумчиво посмотрел на изображение. Веселое, открытое милое лицо улыбалось ему с этой пожелтевшей от времени карточки. Как много Григорий Петрович мог бы рассказать про эту улыбку, столько лет дарившую ему самые счастливые мгновения жизни! Сейчас, от воспоминания об этих, давно прожитых днях, на глаза у него навернулись медленные стариковские слезы.

«Завтра надо будет обязательно съездить на могилу», – грустно подумал он и, аккуратно вложив фотографию жены обратно, принялся листать альбом. Успокоившаяся Энга легла в ногах, положив морду на ботинок хозяина. Некоторые фотографии Войтовский рассматривал настолько долго, что на них начинали капать слезы, другие сразу же откладывал в сторону, третьи гладил пальцами. При этом его губы беззвучно шевелились, складывалось впечатление, что он разговаривает с давно ушедшими из жизни людьми, чьи молодые лица остались запечатлены на фотобумаге.

На страницах этого фотоальбома была вся его жизнь: родители, друзья, однополчане, супруга, сын – все они здесь. И только за один период его жизни – с апреля 1945 по январь 1954, – в альбоме не имелось ни единого снимка. Это было связано с тем, что тогда, в самом конце войны молодой солдат Войтовский отказался принять участие в расстреле многодетной семьи раненного немецкого летчика...

Утром в окрестностях древнего городка Цвиккау было спокойно. Роса поблескивала на лепестках алых роз, которые росли во дворе уютного домика под красной черепичной крышей, чудом уцелевшего после многочисленных бомбежек. Гриша Войтовский и ещё трое солдат во главе с красноглазым от пьянства лейтенантом Мельниченко зашли на территорию приусадебного участка. На стук никто не ответил, и лейтенант приказал выбить дверь прикладами.

При первом осмотре, в доме никого не оказалось, а все шторы были наглухо задернуты. Обрадовавшись отсутствию хозяев, красноармейцы принялись бесцеремонно шарить по всем комнатам. Кто-то рылся в шкафах, сундуках и комодах, кто-то полез в кладовую, а Войтовский принялся рассматривать висевшие на стенах фотографии в рамочках и акварельные пейзажи.

Внезапно откуда-то снизу послышались громкие голоса. Оказалось, что один из солдат обнаружил подпол, где пряталась вся семья, как вскоре выяснилось, состоявшая из шести человек. Это был раненный в обе ноги хозяин дома, его насмерть перепуганная жена, двое пятнадцатилетних сыновей-близнецов и две дочери двенадцати и семи лет от роду. Всех их заставили подняться в гостиную, причем отца семейства двоим красноармейцам пришлось вынести на шинели.

– Офицер? – спросил Мельниченко, тыкая пальцем в раненного немца.

Тот отрицательно покачал головой, не сводя пристального взгляда со стоявшего над ним победителя.

– А где был ранен?

Немец не отвечал, но его жена, каким-то непостижимым женским чутьем понявшая вопрос на незнакомом языке, принялась показывать на небо, а потом обрушивать обе руки вниз, сопровождая это детским словосочетанием «Пум-пум».

– При бомбежке, значит? – догадался Мельниченко. – Ну, это мы проверим ещё. Рядовой Капич, продолжить обыск, а остальные тащите эту немецкую сволочь в каминный зал. Там мы с ним разберёмся...

Детей погнали как стадо барашков, а раненого немца пришлось волочить по полу, несмотря на отчаянные крики жены. Когда его бросили на пол возле фортепьяно, она мгновенно закутала мужа в плед, который до этого несла на плече, и опустилась рядом, обхватив обеими руками. Сыновья стояли возле камина, испуганно и исподлобья рассматривая ухмыляющихся победителей, а обе девочки, не смея даже плакать, тесно прижимались друг к другу.

Впрочем, вся эта сцена ничуть не растрогала Мельниченко. Все утро лейтенанту ужасно хотелось опохмелиться, однако шнапса в доме не оказалось, и это его ужасно разозлило. Он уселся в кресле напротив, закурил папиросу и вальяжно спросил:

– Что, проклятые фрицы? Попались, вашу мать? Выставляй угощение.

Разумеется, что немцы не понимали по-русски, и тогда лейтенант принялся изъясняться языком жестов. Так, он мастерски имитировал проглатывание стопки водки, поясняя этот процесс словом «шнапс». Или делал вид, что упоенно наворачивает содержимое шипящей сковородки, сопровождая словами «кура, яйки».

Хозяйка дома попыталась что-то взволнованно объяснить, разводя руками и постоянно повторяя «найн, найн», чем привела лейтенанта в ярость.

– Ах, ничего «найн», твою мать! – заорал он, вставая с места и лихорадочно соображая, на чем бы выместить свое раздраженное разочарование. Тут его взгляд упал на пианино. Мельниченко ткнул в него пальцем и приказал:

– Ну-ка, сыграй что-нибудь весёленькое.

Немка сразу поняла, чего от неё требует русский офицер, и что-то тихо сказала своей младшей дочери. Та, в свою очередь, послушно подошла к музыкальному инструменту, села на стульчик, выпрямила спину и открыла крышку. Её розовые пальчики проворно забегали по клавишам, отчего по всему дому разлилась незнакомая русским мелодия.

Вид маленькой белокурой девочки, прилежно наигрывавшей на пианино незатейливую немецкую песенку, очень растрогал Войтовского. Ему вдруг захотелось, чтобы это продолжалось как можно дольше, чтобы он успел вволю помечтать о возвращении домой, где его младшая сестра вот так же с упоением сыграет ему на пианино...

Мелодия резко оборвалась, когда в гостиную внезапно вошел смуглый Капич, похожий на индуса и державший в руках немецкий офицерский китель и кобуру. Он показал все это лейтенанту Мельниченко, тот глянул на форму и сразу все понял.

– Молодец, Капич!

– Рад стараться, товарищ лейтенант!

– Так ты – летчик?! – заорал Мельниченко на немца. – Наши города и сёла бомбил, гад?

От этого крика девочки дружно заплакали, братья-близнецы напряглись и побледнели, а жена немца отчаянно запротестовала, снова и снова повторяя короткое слово «найн».

Не обращая на все это внимания, Мельниченко бросил китель немцу со словами:

– Одевайся, сука! Хоть умрешь, как офицер, на глазах у своей семьи.

Через минуту после того, как летчик, лежа на полу, ухитрился натянуть свой китель, произошло нечто страшное. Забытая всеми кобура с пистолетом лежала на пианино, совсем рядом с одним из близнецов. И вот, в тот самый момент, когда летчика уже волокли во двор, мальчик вдруг резко схватил кобуру и попытался вытащить оттуда отцовский пистолет.

Однако Капич был наготове! Он полоснул очередь из автомата сразу по всей семье. Оба близнеца были убиты наповал, мать и старшая из девочек – тоже. В области живота у младшей из девочек показалась кровь, но она была настолько шокирована, что даже не застонала, а лишь согнулась, как подрубленная рябина и прижалась к матери. Зато ее отец, увидев гибель своей семьи, пришел в полное неистовство. Не в силах подняться на ноги, он принялся страшно кричать. Лежа на полу, и глядя снизу вверх на ненавистных ему победителей, он проклинал их и оскорблял самыми страшными, но абсолютно непонятными им словами. И лишь когда он выкрикнул «Хайль Гитлер!» – Мельниченко прекрасно все понял.

Со зловещей улыбкой он достал из кобуры свой собственный пистолет и пристрелил лежавшего перед ним человека так же спокойно, словно бы это была раненная собака.

Остальные бойцы, в том числе и Войтовский, потрясенно наблюдали за свершившимся на их глазах расправой. И только Капич презрительно хмурился, с ненавистью поглядывая на груды детских трупов.

– Все, уходим отсюда, – убирая пистолет обратно,скомандовал Мельниченко.

– Товарищ лейтенант, а что с девочкой будем делать? – взволнованно спросил Войтовский, указывая на белокурую, истекавшую кровью малышку, лепетавшую непонятные слова.

Какое-то время лейтенант раздумывал. Если прямо сейчас доставить девочку в медсанбат, то потом вся эта история с нелепым расстрелом немецкой семьи может стать известна начальству. А ведь еще при переходе границы Германии по всей армии был отдан строгий приказ – никаких бесчинств над мирным населением не чинить, а за мародерство и по давню – расстрел на месте. Перспектива оказаться в лучшем случае в штрафбате Мельниченко совсем не радовала, поэтому он нехотя приказал Войтовскому:

– Добей её как-нибудь...

– Что? – изумился Григорий.

– Ну, пристрели, что ли...

Солдат Войтовский замер, его лицо похолодело, а по рукам пробежала странная дрожь, будто по его нервам пропустили разряд тока. Наступила пауза, все, кроме Мельниченко, смотрели на Григория. Война войной, но...

– Я не буду!

– Что?! – в свою очередь изумился лейтенант. – Ты, рядовой, отказываешься выполнять приказ офицера?

Войтовский судорожно кивнул, понимая, что именно в этот момент решается вся его дальнейшая жизнь. Но стать убийцей беззащитного, пусть даже фашистского ребёнка он всё равно никак не мог!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.